

Рафаил Нудельман, Анатолий Кардаш

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ РАФАИЛА

ИЛИ

ВСЁ ПУТЁМ

Москва – Кострома – Галич – Чухлома – Ножкино – Солигалич – Вологда
– Кириллов – Ферапонтово – Горицы – Белозерск – борт теплохода
"Короленко" – Ярославль – Тутаев – Ростов Великий – Борисоглеб –
Ростов Великий – Переяславль-Залесский – Загорск – Москва

8-26 июля 1972 года

ПОДЕЛЬНИКИ.....	2
И БЫЛО УТРО, И БЫЛ ДЕНЬ ВТОРОЙ	6
И БЫЛО УТРО, И БЫЛ ДЕНЬ ТРЕТИЙ	13
МОЛОЧНЫЕ РЕКИ, ДЕРЕВЯННЫЕ БЕРЕГА	18
ПЕРВЫЙ БУНТ	21
И БЫСТЬ СЕЧА ЗЛА.....	25
ТРИЗНА.....	29
С МИЛЫМ РАЙ В ШАЛАШЕ, С ВОЖДЁМ - В СОЛИГАЛИЧЕ.....	31
НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ТУРИСТСКОГО ШЛЯХА	38
ВОЛОГДА БЕЗ МАСКИ	44
НА ГРАНИ ГРЕХОПАДЕНИЯ	50
БЕГА С ПРЕПЯТСТВИЯМИ.....	57
УМИРОТВОРЕНИЕ ПЛОТИ	61
ЧУДЕСА В ФЕРАПОНТОВЕ.....	66
БЫСТРАЯ ЧЕРЕДА СОБЫТИЙ	70

ПОДЕЛЬНИКИ

1. КОМАНДОР

Все чрез Него начало быть и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

(Иоанн, 1:3)

2. ШИРОКИЕ МАССЫ

ШМ, Начфин, Главкульт, Вриосекс (Вр.и.о. зав. сексуальной частью), Поэт, Летописец и Демагог

...шайка проходимцев и воря,
разные Иоанны и Матфеи,
наплетут с три короба вранья.

(А.Галич)

Повелением Командора назначенный Летописцем похода нашего, хочу предварить сию летопись кратким описанием предшествовавших событий.

Поход наш, коий сравнить могу лишь с деяниями славных в старину землепроходцев, прошедших всю отечественную территорию наскрозь и дальше, тем более славен, что совершён был в малом количестве, невзирая на изнурительную тяжесть рюкзаков.

Долженствовавшие компанировать нам друзья наши небрежно предали нас, предпочтя плеск южных морей рокотанию речей Командора, в чём и раскаются. А может, и уже.

Посему осталось нас не столько в тельняшках, сколько мало. Во главе нас были Командор. Их лучезарный взгляд, проникавший в грядущее, освещал наше шествие подобно маяку в ночной непроглядности. Командор в Их синих походных штанах, зелёной гимнастёрке со следами солдатского пота на лопатках и с необозримых размеров рюкзаком на оных представляли собой зрелище столь неповторимое, что при Их появлении на платформе Ярославского вокзала всякое телодвижение было временно прекращено.

За Командором следовали Широкие Массы в составе Начфина, Главкульта, Вриосекса (Вриозавсексчастью) и Поэта, призванных обеспечивать разнообразные жгучие потребности Их Командорской природы, далее аз грешный - Летописец, а замыкали наше шествие также собственно Широкие Массы (сокращенно Ш.М.) с тупой преданностью на низком челе и глазами, горящими из-под неандертальских надбровий.

И ШЛО ЗА НИМ ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО НАРОДА...
(ЛУКА, 23:27)

Ночь, в которую всё это происходило, была черна как зависть окрестного вокзального люда, вздравшего на нас.

Недоумевающих осмелюсь посвятить в глубины Их Командорской мудрости. Созная, как нас малочисленно, Командор повелели нам разделить духовно на всех вышеперечисленных, тем самым образуя как бы ипостаси единой сущности, каждая из коих долженствовала выражать некий оной аспект, предусмотренный упомянутыми потребностями. Превзойдя пресловутую Троицу благодаря сложности своей природы, сочетающей в себе кротость летописателя, неистовость культуртрегера, хитроумие сексуально озабоченного и силу финансового гения, врождённого нам согласно национальности, образовали мы, следуя приказу Вождя, шумную и пёструю толпу Его учеников. Простота же, нам присущая, воплотилась в ипостаси собственно Широких Масс в узком смысле этого слова - личности столь же малоразвитой, сколь однако и преданной Командору, ныне шествовавшей в приличествующем его интеллектуальному уровню отдалении с нашим рюкзаком на тщедушных плечах.

Собрав нас, Командор сняли шляпу и приветливо поздравствовались. Заинтересованная, обтекала нас густая, как на демонстрации, толпа. Возвышаясь над ней, невзирая на свой умеренный рост, Командор казались ещё выше благодаря новой короткой стрижке, каковую обрели на Арбате в руках дамского мастера волосных дел. Благоговейно внимали мы рассказу об оном событии. Дошедши до слов: "И отчекрыжив пук волос, она воскликнула: "Какой чудесный ёжик!", Командор внезапно были прерваны льстивым возгласом из наших рядов:

- Важную шишку красит любая стрижка!

Мы переглянулись и узрели среди себя неизвестную личность весьма гнусного вида с унылыми бегающими глазками, длинным носом и изрядной атеромой на шее. Личность ни минуты не пребывала в покое, но, трясясь и почёсываясь, издавала воющие звуки, подобно псу, исторгающему блох, одновременно улыбаясь блудливой улыбкой демагога.

Увы, мы не ошиблись, - то действительно был Демагог - ипостась, незаметно высвободившаяся из глубин нашей сущности. Мы взирали на гнусного, коий угодливо взирает лишь на Командора, ожидая Их мановения. Но неизречима была Их доброта! Милостиво усмехнувшись, дозволили Они тем самым презренному существовать и войти в наши ряды, что и привело к последствиям.

Не буду однако опережать событий, но последую их течению.

Выслушав приказ Командора на занятие походных мест, прошествовали к перрону. Поезда однако не усмотрели. Демагог, с каждой минутой всё более ощутимо уплотнявшийся в воздухе и уже почти достигший как бы вполне реального существования, засуетился в толпе (не переставая при этом следить Командорских очей) и принёс известие, что на соседнем перроне происходит ещё более удивительное. Там уже десять минут тому объявлено было об отходе владивостокского поезда, но упомянутый даже и к перрону ещё не был подан для посадки, и граждане обоёго пола в тупом молчании ожидали разрешения своей судьбы от невидимого во мраке (и вообще) начальства.

Пока мы созерцали братьев и, особенно, сестёр по несчастью, к нашему перрону подали требуемый состав. Куда мы и кинулись, опережаемые всё тем же Демагогом, семенившим по следам Командора, и замыкаемые молчаливым, но верным Ш.М.

О, зелёные коробки вагонов, деревянные клетки купе, узкие, как девственное ложе, полки, прогибающиеся под тяжестью рюкзаков! Поезд Москва-Кострома стучал колесами в такт руководящему храпу Командора. Был первый час ночи, первой ночи похода. Была окрест русская земля, необозримая также и по причине темноты. Из окна в шею сквозило ветром великих предчувствий. Лязгали сцепки, гремели раздираемые на части пространства, одиноко нёсся вдаль дикий вой электровозного гудка, заставляя далёких и неведомых мне горожан с ужасом срываться с постелей и ошалело, в подштанниках, кидаться к окнам - не случилось ли за оными отмены государственных порядков?..

Уносимые всё дальше, мы вместе с тем приближались к нашей первой цели - городу Костроме.

И БЫЛО УТРО, И БЫЛ ДЕНЬ ВТОРОЙ

Согласно приказу восставшего ото сна Командора велено было именовать сей день девятым июля.

КОМАНДОР – ЦАРЬ ПРИРОДЫ
(ГЛАВКУЛЬТ)

За окном помимо и вчера простирившейся окрестности ныне синело также небо, расчерченное в линейку вытянутыми, как струна, перистыми облаками. Глянув на оные, Командор провозвестили хляби небесные, коих иссохшая земля жаждала уже не первую неделю. Из нашей внимавшей толпы высунулся Демагог и, облизывая вскипавшую на губах слюну, выкрикнул:

- Непременно быть дождю, коль угодно так Вождю!

Тем временем Главкульт, задним чутьем ловивший исторические достопримечательности, объявил, не глядя в окно: - Волга!

В окне действительно была Волга - широкая и плоская, как Темза на картине Уистлера "Серое и голубое". Сравнение это позволил себе высказать Главкульт согласно молчаливому поощрению Командора, не чуждых лирики в свободное от обязанностей время. На что Демагог, не разобравшись в ситуации, выкрикнул "К русским рекам и на выстрел пусть не лезет ваш Уистлер!", но тут же был пригвождён взглядом и в поспешности умолк. Мы уже привыкли несколько к взвизгам этого чахлого нашего спутника, и даже было нам вчуже жаль указанного пригвождения, но такова была Их Командорская воля.

Пролетев над Волгой, состав наш ворвался в строй уныло одинаковых строений, увенчанных зданием вокзала, отличавшимся от прочих только опознавательной табличкой "Кострома Новая".

Мы выволокли рюкзаки из вагонов и очутились в соседстве привокзального туалета - как оказалось при обследовании, лишённого умывальников, а также розеток. Между тем серая щетина на лице Ш.М. прорастала с буйной скоростью, требуя уничтожения.

Обозрев туалет, Командор перенесли критический взгляд на окрестных девиц. Щёгольски одетый Вриосекс тут же высказал некое предположение, которое Командор однако с негодованием отвергли, присовокупив, что Они-де не комок секса, хотя некоторым по недомыслию, видимо, и кажутся таковым.

При осмотре вокзала обнаружилось, что поезда на запланированный Галич ходят лишь утром и вечером, последнее же не соответствует, ибо ночью нас в Галиче даже власти не встретят - по причине положенного отдыха. Рассчитав это, с восторгом приняли диспозицию Командора ночевать в данной Костроме.

Облагодетельствовав массы, Командор проследовали в обитель без розеток и умывальников, где отсутствовали приличествующее Им время. По прошествии оного Они вновь явились народу, объявив, что "ещё нет, но уже зреет". На что Главкульт, соблазнённый, видимо, недавним успехом Демагога, меланхолично процитировал: - "Сам не знаю, что я буду петь, но только песня зреет".

Выйдя из вокзала, обнаружили вокруг воскресенье, по случаю какового киоски были закрыты, а отдельные автобусные маршруты отменены. По кратком

совещании, созванном Командором при своей особе, решено было обозреть с утра храм Воскресения на Нижней Дебри с последующим посещением Ипатьевского монастыря.

Проследовали автобусом в центр города, где обрели открытое кафе "Дарья". В тесном помещёнии, заставленном прямоугольными колоннами и столиками на железных ножках, стоял нестерпимый запах съестного. Командор изволили выкушать половину окрошки и бутылку кефира. Широим Массам не менее широким жестом были предоставлены полная окрошка, котлета и кофе. Попутно Командор сотворили чудо, насытив Массы четырьмя кусками чёрного хлеба.

БЕЗ КОМАНДОРА БОЙЦУ НЕ СЪЕСТЬ И ПОМИДОРА
(ДЕМАГОГ)

Отягощенные калориями, спустились к мосту, в тени которого приютился храм. Верующие, как вши, ползали в жирных складках утреннего зноя, облепляя паперть. Взойдя в помещёние, оказались мы пред воротами, справа от которых висевшее в рамочке расписание служб, утверждённое размашистой подписью протоиерея, извещало, что имеет быть поздняя литургия.

Своды храма окатывало согласное пение женского хора под управлением некоей неистойой старушки. Вдоль алтаря суетливо метался откормленный дьякон. Молодая девица из хора славилла Бога, безбожно стреляя глазками на Вриосекса. Высохшие богомолки в белых платках били поклоны и размашисто крестились на роскошные декорации алтарного задника с изображением Иисуса в пересечении столбов света. Густо толпились женщины с младенцами на руках, готовясь к причащению. На стенах паперти в немисливо воздушных поворотах и жестах застыли праведники и грешники; внутри собора - аляповатые иконы, кипящие сусальным золотом окладов, там и сям дрожащие огоньки тоненьких розоватых свечек, сверкающие, точно грани кристаллов, разноцветные искры крохотных электрических ламп, от алтаря - голубовато-серый дым кадила, истоньшающийся в световых пучках, над головами - стеклянный свод и падающие из узких окон барабана плоские, как страницы, полосы света.

Отстояв до немоты и покаявания в ступнях, вышли мы вон и двинулись в гору по улицам, плавившимся в дневном жару. Согласно пожеланиям Командора двигались перебежками от тени к тени. В одной из таковых узрели стеклянные изломы кафе "Океан". Пощупав седину, катастрофически произраставшую из меня, робко обратился я к Вождю с просьбой о дозволении кратковременного перерыва в шествии на предмет бритья. Каковое испросил. Войдя в расположение официанток, был допущен в их расположение, где имелась розетка. Скользя потной бритвой по ещё более потным щекам и подбородку, внимал я одновременно беседам народа промеж себя, ибо только в толще народа и от родников духа его обретаем мы, пишушие, силу и вдохновение своё. А также от близости к Командору. В толще однако не слышалось ничего примечательного кроме унылых возгласов необъемлемой официантки, посредством мата призывавшей остальных войти в её положение. Истребив седину, порочившую меня в очах Командора и мимоидущих женских особ, вернулся я снова в нашу тесную среду, изнемогавшую от зноя.

Теневой стороной центральной Советской улицы дошли до центра. В этот момент Командор неуловимым и изящным движением распахнули перед нами двери обнаруженной Ими гостиницы и после краткого, но внушительного обмена

дифирамбами с преждевременно постаревшей администраторшей вручили нам талоны на лежбище в коллективных апартаментах второго этажа. Готовые заранее к тяготам ночлега под звёздами, на ребристых камнях речного пляжа, все мы, исключая Демагога, возгласили хвалу Командору; Демагог однако же, перегибаясь вихлявым корпусом в нашу сторону и бегая глазками, начал шептать, что-де Командор, отбывая из столиц, давали клятвы ночевать исключительно под звёздами, ехать исключительно автостопом, пить из автопоилки и закусывать авторучками.

Тут открылась нам подлинная суть и глубина замыслов Командора, допустивших презренного реально материализоваться. Желали тем самым Командор непрестанно искушать нас в твёрдости духа нашего, преданности Им лично и пренебрежении трудностями похода, невзирая на искусительные к ропоту речи Демагога. К чести нашей, никто уже и в тот момент не внял одного речам, но даже и не изумился, что Командор не покарал искусителя. Непокарание это входило в Их мудрый план нашего непрерывного испытывания, невольным орудием коего и был жалкий Демагог, тщеславно мнивший себя самостоятельной личностью со свободой воли. Кто же из нас, вопрошу, может быть самостоятелен при Командоре? О, спесь человеческая! Кто может обладать свободой более, нежели в рамках, предумышленных Их Командорским - и вообще начальственным - планом?

О, жалкая человеческая спесь! Лишь немногим дано постигнуть, что свобода наша есть осознанная для нас начальниками необходимость, остальное же всё - фикция, мираж и измышления враждебной пропаганды.

КОМАНДОР НЕ ЗАХОЧЕТ – У ТУРИСТА НЕ ВСКОЧИТ
(ВРИОСЕКС)

Шествуя к торговым рядам, поделился я своими прозрениями с Главкультом, который показался мне интеллигентнее прочих; выслушав меня, он откинул с потного, но высокого лба седеющие кудри и мечтательно процитировал неизвестного мне поэта: "Живём в счастливейшее время: начальство бдит, оно на стреме, и тот, кого оно блюдёт, счастливей всех на свете тот..."

И хотя неизвестный, пробудил сей поэт во мне глубочайшее уважение.

На пустынной главной площади, куда мы вышли во главе с Командором, во всех направлениях простирались каменные шеренги торговых рядов, застывшие словно полки перед парадом. Мерный ритм колонн и взлетающие дуги арок рождали в безмолвии немое, но осязаемое движение, будто где-то в недрах этой глубокой тишины, в самом отдалении уже звучал оркестр, чеканящий властный ритм торжественного церемониального марша. Мы невольно втянули животы и расправили плечи; даже Демагог сделал попытку распрямить свою вечно сутулую спину; Командор же величественно простёрли длань, словно принимая незримый и неслышный сей парад, проходивший в пустынной ширине площади у ног Его. Жара звенела торжественно, как медь сводного оркестра, возглавлявшего шествие. Солнце застыло нимбом над головой Командора.

Потом всё дрогнуло и исчезло, и презренная проза ворвалась в уши, лязгая крючками на бортах грузовиков, рыча переполненными автобусами, грохоча ботинками по мостовой, свистя, завывая, улюлюкая, гремя, урча и прочее. Солнце сдвинулось и жирным клопом поползло по голубому атласному одеялу небосвода. И узрели мы вокруг людей, куда-то спешивших, вотще тративших свои крохотные жизни на суету сует и всяческую суету.

Всё ещё храня в душе воспоминание о том безмолвном параде, зрителями коего нам довелось быть, молча проследовали мы по проспекту Мира к зданию картинной галереи, где обозрели сокровища искусства в приложении к экскурсоводу. В числе сокровищ имелись Рерих, Кустодиев, Штеренберг и изображенная кем-то вся в рыжем буйстве осеннего заката Северная Двина.

Не упоминаю о виденном также памятнике Сусанину, ибо сделанный из камня под дерево, он не производил никакого впечатления рядом с живым Командором. Не говоря уже о подозрительности наличия самого подвига упомянутого костромича, отмеченной братьями моими - летописателями стародавней Руси. Посему перехожу к следующей части похода нашего по Костроме.

Автобусом и паромом, через окраины города, приводившие на память "Мать" не только Горького, добрались мы, теряя непредвиденное время и непредвиденные деньги, до Ипатьевского монастыря. Пухлый наш Начфин, утирая крупные капли возмущения платком не первой свежести, трагически потрясал короткими ручками, переживая растроченные копейки.

Ипатьевский монастырь млеет под солнцем, раскинув стены над берегом Волги, как пляжник - руки по песку. Жара заполнила двор монастыря, вытеснив посетителей. Лишь время от времени какой-нибудь безумный смельчак возникал в воротах дрожащим от зноя маревом, окидывал испуганным взором пустынный двор и раскалённые глыбы собора, звонницы, келарской палатки, - и снова исчезал, уже навсегда.

Взамен обещанных сокровищ духа Командор повелели нам следовать за Ними по ступеням звонницы, откуда доносилось звяканье стаканов. Не ускользнуло от Их орлиного ока, что обретается там буфет, и Они не замедлили нас туда вывести, где и усладили соком с вином по рублю банка, а также мороженым. Яства эти отличались цветом, но не консистенцией.

КОМАНДОР МУДЁР, А БОЕЦ БОДЁР
(ДЕМАГОГ)

Выпив мороженое и запив соком (или наоборот), Начфин тотчас впал в обличительный раж - видимо, от вина - и принялся всуе поминать имя Командора. Смысл начфиновых речей, за вычетом их непотребной формы, сводился к следующим пяти пунктам: 1) мот, 2) жуир, 3) рвётся в гостиницы, 4) кутит с вином и мороженым, 5) пренебрегает культурным ростом.

Жалок был этот зажавшийся фанатик копейки и рыцарь беспорочного бюджета! Даже на испитом лице Демагога вырисовывалось некое подобие отвращения к этому псу, лающему на хозяина. Широкие же Массы, набычив свой низкий, но широкий лоб, уже привставал со стула, с благородным негодованием помавая чугунной десницей над лысым теменем Начфина.

- Сам нажрался, а сам теперя... - воскликнул честный сын народа и стал было уже опускать свою длань, как тут Командор единым мановением брови закрыли прения и обратились к представленному Им Главкультом комплексу архитектурно-исторических памятников монастыря.

Громко озвучивал Главкульт мерное движение наших рядов, популярно излагая страницы путеводителя. Ведомые Вождем, вступили мы в музей, не столь большой, сколь разнообразный. Были тут и жуки, бабочки, личинки и прочая гнусность, в изобилии собранная неким дореволюционным любителем и родному городу

поднесенная в дар; были и чучела местной фауны, каковых простодушный Ш.М. принимал за живых и норовил напугать размахиванием десницы; в тесных комнатках со скрипучими полами и изразцовыми печами красовались ювелирные изделия и скучный фаянс; на заднем дворе, рассыхаясь от зноя, возвышались деревянные баньки на сваях да церковь деревянная в таких же лесах на предмет реставрации; было и ещё кое-что, но уже не для нас. Ибо пришло время туалета Командора.

В отличие от туалета королевы мы допущены к таинству не были; лишь невнятные звуки, доносившиеся сквозь толстые монастырские стены и жадно нами ловимые, позволяли нам рисовать происходящее в воображении. В 15 часов 16 минут Командор явился нам вновь. Демагог, угодливо осклабясь, спросил тоном доверенной особы: - Ну, как? - на что Командор лаконично ответствовал: - Не как.

Засим Командор, невзирая на телесные муки, повели себя в собор, снова предшествуемые столь же неугомонным, сколь и громозвучным Главкультом. Прочие стройными рядами шествовали сзади, Широкие же Массы выходил из рядов вон и спал на ходу с открытыми глазами.

Предупреждённые руками фрески не трогать, оных не касались, токмо взирали на предмет культурного роста и под завывания Главкульта; но и фрески нас, в свою очередь, не тронули. Расставшись без претензий, вышли во двор, где открыли Ш.М. спящего на остроконечном ледниковом валуне. Опрошенный Командором, мог произнести лишь несколько гласных и одну согласную, из которых Вриосекс ухитрился сложить глагольное окончание "...аться".

Cogito, ergo sum

(ДЕКАРТ)

Coito, ergo sum

(ВРИОСЕКС)

В соответствии о односторонней своей натурой уже готов был он расшифровать оный глагол неприлично и неправильно, как тут Начфин догадался, что Ш.М. просит "иску...паться...". Командор уничтожающе посмотрели на Вриосекса и милостиво махнули рукой, позволяя омовение в водах. При сём присовокупили Они, помавая перстом в направлении ожесточённо скребущегося Демагога:

-Эту гниду тоже помойте.

Пляж однако при ближайшем рассмотрении оказался весьма далеко, и Демагог, невзирая на завывания, омыт не был. И затаил мерзопакостный в душе своей гнусное намерение внести в наши ряды злобу неутолённого желания. И был близок к успеху.

Переехав реку, Командор обратили внимание на мелькание Демагога среди Широких Масс и начавшееся в последних брожение.

-Ну ты, дебил! - мягко обратились Они к невнятно бурчавшему нечто Ш.М. - Уж не зреет ли в тебе оппозиция? Так ведь ты один не потянешь, тебе вождь нужен...

И взгляд Их очей устремился на Начфина. Командор - о, Проницательнейший из проницательных! - узрели в нём готовность возглавить стихийное, но беспочвенное народное негодование, - и ради чего возглавить? Злопамятности токмо, - ибо не мог в узости души своей простить Командору расходов на сок с мороженым. Павши однако на колени со стуком, подобным стуку костяшек на счётах, возопил. Из оног вопля уразуметь можно было, что оппозиция, ежели и возникнет, обязуется быть

лояльной и все свои бескомпромиссные и принципиальные выступления против руководства с оным руководством предварительно согласовать не преминет.

Командор задумчиво внимали речам каявшегося, но ничего не выражали; наконец каявшийся по причине дальнейшего бессилия тупо замолчал, глядя в пространство. Ш.М. хныкал и порывался лобзнуть Командора, а свободной от преданности рукой отгонял скулящего Демагога, Так стояли мы, меж тем как в природе происходили знаменательные перемены. В небе собрались иссиня-черные тучи, похожие на грязные перины, душный ветер понёс по дорожкам небольшого скверика рыжую пыль вперемешку с сухими листьями и обёртками эскимо, жутко и нахально загрохотало над самой головой, промчались с воем пожарные машины, на угол суетливо сбегалась толпа, обрадованно крича: "Задавили! Задавили..." - всё изготвилось к стихийному бедствию, как бегун к старту.

Но то был фальстарт. Правда, несколько особенно нетерпеливых капель сорвались на свои дорожки и помчали, оставляя следы босых пяточек в пыли, но Господь Бог, этот кривоногий и красноносый судья первой категории, только издевательски хохотнул - и всё окончилось.

С уважением взирали мы на Командора. Ибо хотя хляби не состоялись, но лишь по причине прямого вмешательства Господа, что означало: Командор по силе своего влияния на природу уступает лишь самому Саваофу.

После краткого бунта, вызванного желанием Вриосекса остаться на площади, подвергаясь хлябям, дабы развернуть деятельность по соблазнению костромичек, все мы были увлечены Командором в расстилавшуюся впереди гостиницу. Только здесь, рухнув на скрипучие пружины и воздев горé утомлённые конечности, сумели мы оценить мудрость Командора, предвидевших миг сей и в предвидении своём озаботившихся касательно лежбищ.

СЛЕПА ШИРОКАЯ МАССА
БЕЗ КОМАНДОРСКОГО КОМПАСА
(ГЛАВКУЛЬТ)

Что ожидало нас во главе, например, с Начфином? - жалкое прозябание на пыльных улицах под тщетные потуги Вриосекса, не более! Командор же даровали нам сон и покой, не исключая оппозицию, бессовестно наслаждавшуюся дарованным, но и во сне продолжавшую бурчать и гневно отрыгивать винным соком. В распахнутые окна проникали звуки главной улицы, составлявшие в сумме по 30 децибел на каждое ухо. Мы спали чутким сном фронтовиков, и машины на улице налетали, как снаряды артиллерийской подготовки, и никто не знал, который из снарядов угодит в его скрипучий окопчик.

Вечерело, когда мы, освежённые, снова явились на улицах Костромы на предмет ужина. Выкушали в столовке блины с омлетом, а некоторые - даже дважды. После чего почва для оппозиционных настроений окончательно исчезла. Один лишь Демагог что-то попытался произнести насчёт древних приёмчиков с хлебом и зрелищами, но Широкие Массы издали лениво помахал ему чугунной своей дланью, чем и поверг в молчание.

Двинулись к Дебри; от оной - к Волге. Река лежала спокойно, как роженица после родов. По грязному берегу там и сям разбросаны были валуны, окурки, железный лом и тщедушные тела костромичан. Некоторые тела располагались также в воде, изображая купание. Главкульт торопливо принялся чиркать что-то в своём блокноте;

опрошенный, ответственал, что поразил его обычай туземцев входить в воду в полной одежде и мылить себя мылом поверх оной. И он этот народный обычай жаждет описать. На что Широкие Массы заметил писаке: - Дура... Он же выпимши...

В наступившем молчании тупо взирали мы на дальний берег с древними развалинами и новыми постройками (обречёнными в свою очередь стать развалинами со временем), на закат и скудную красоту окрестностей. Мост висел над рекой, как современная индустриальная радуга, серая и общедоступная. Под мостом лихо мчались моторки, управляемые мужчинами разных видов и одинаковой степени опьянения. С берега женщина кричала пьяному мужичонке: "Не спи, утонешь!", а после натягивала на его мокрые кривые ноги суконные брюки и застёгивала ширинку, а он всё падал на неё и всхрапывал во сне.

Прохладная истома наконец-то сменила убийственную дневную жару. Из распахнутых окон деревянных домов доносились звуки телевизионной передачи, над головами прохожих нависала чья-то раскинувшаяся на подоконнике необъятная задница неопределённого пола, а из верхнего окна трёхэтажного унылого дома бледным пятном виднелось лицо девицы, тоскливо озиравшей пустынную улицу.

Шествуя пыльными тротуарами, поднимаясь по осыпающимся оврагам, ступая по мостовой бульвара Островского, пересекая асфальтовые просеки в лесах колонн торговых рядов, Командор излагали нам своё учение о провинциальной тоске и столичной любви, изредка роняя бесценные автобиографические сведения, которые я, недостойный, торопливо вписывал дрожащей рукой в походные скрижали. Ещё не пришло время мне предложить жаждущим припасть к этому источнику утешения, но придёт оно, и узрят это моё Евангелие, и тогда слово Командора осенит грады и веси и миллионы пойдут за Ним...

Спал уже древний город Кострома под простёртой рукой Ленина, возвышавшегося на цоколе недостроенного памятника Романовым; спали моторки и мотоциклы, дьяконы и передовики, фрески и мосты, улицы и храмы - всё спало, когда пружинные матрацы гостиничных кроватей вновь приняли нас в свои скрипучие объятия.

И БЫЛО УТРО, И БЫЛ ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Очнувшись, узрели мы укоризненные глаза Командора, ибо часы неумолимо возвещали опоздание. Но волею своей Командор растянули каждую секунду вдвое, благодаря чему на пресловутый вокзал "Кострома Новая" успели мы в самый раз и с запасом. Мановением Их же руки подан был состав Москва-Абакан допотопного происхождения, а также и вида. Здесь, вдали от столичной роскоши, неприхотливая Россия ещё кочевала в деревянных довоенных вагонах под слитный вой гармошек, плачущих детей и словоохотливых старушек; пила пиво и лузгала семечки, бегала на станциях за кипятком и лупила засаленными картами по чемоданам, а то и просто таранилась бессмысленно и тупо в проплывающие мимо незаселённые просторы собственного отечества. Размышления наши резюмировал Командор: - А составчик-то наш пятьсот-заспатый!

Все, покинули мы рюкзаки на полках и проследовали в вагон-ресторан, расположенный через десять вагон-сортиров от нашего. Путь наш пролегал сквозь плотную, как вода, духоту, в окружении полуголых, липких и скользких от пота, тел, заполнявших деревянные вагоны вплоть до загаженных тамбуров.

Усевшись за столик, узрел Вриосекс грудастую официантку, потные прелести которой обнажались в круглом вырезе платья, и довольно гоготнул, пытаясь привлечь внимание оной. Невысокая сия девица, ведомая магнетизмом и телепатией, тотчас осознала, кто среди нас Вождь, и на потуги Вриосекса не ответствовала. Раскачивая прелестями перед лицом Вождя и нарочито склоняясь, дабы Он мог через вырез узреть и всё остальное, поднесла она командору сокровенные сосуды с драгоценным в этих краях пивом и изобразила лицом, а также телом, что ещё и не то может поднести. Вриосекс заскрипел похотливо зубами.

ТЕЛОМ МОЖНО СКАЗАТЬ МНОГОЕ

(М.ПЛИСЕЦКАЯ. ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ)

Командор же сидели молча и величественно, общаясь о окружающим народом. Напрасно Вриосекс метнул на свою чащу весов целых двадцать копеек якобы "на чай" - прелести девицы были не для него доступны, не для него они колыхались, не для него были покрыты рабочим потом. Забыл он в похоти своей, что главным делом, коего ради и был он Командором вызван к самостоятельному существованию, есть забота об утолении не собственных мерзких, а благородных Командорских вожделений с потребной частотой. Забыл - и был справедливо покаран: не от бога, не от Командора, но от простой девицы, кою смело уподоблю Марии Магдалине, Ибо как та обрела очищение в любви к Господу, так и упомянутая с прелестями - в пренебрежении корыстными дарами Вриосекса ради бескорыстных чувств к Командору.

Откушав, Вождь сотворили за окнами цель нашего переезда - город Галич, не менее древний, чем Кострома, но ещё более захудалый. Сотворяя его в полном соответствии с указаниями путеводителя, Командор однако оставили Господу устройство в оном Галиче погоды, вследствие чего и здесь солнце стояло в зените по-видимому ещё с рассвета.

Начфин со злобой отодрал от бюджета копейки, необходимые для оплаты камеры хранения и, освобождённые от рюкзаков, вышли мы вслед за Командором на привокзальную площадь, окаймлённую очередями к рейсовым автобусам. Обозрев для приличия расписание, двинулись в город, не боясь сбиться с пути, ибо он начинался за углом главной и бесконечной по длине улицей Свободы.

Свобода была привычно ограничена пережитками прошлого в виде деревянных домов, бездействующих водопроводных колонок и унылых каменных сооружений с кумачовыми лозунгами на облупленных стенах. В светлых даях Свободы туземцами обещалась нам - и притом "уже недалеко" - Рыбная Слобода с Галичским озером и пляжем. Туда и повлеклись мы на предмет омовения тел и отдыха.

Как же обманчивы перспективы Свободы! Уже пересекли мы обширную, как плоскогорье Гоби, городскую площадь; уже прошли базар, где Начфин, обалдев от жары, собственноручно растратил казённые средства на приобретение малосольных огурцов, оказавшихся при надкусе просто солёными; уже вспахали пыль деревенских улиц Свердлова и Калинина, спасаясь на обочины от тяжело переваливающихся через ухабы грузовиков, - а пляж всё так же маячил где-то в недосыгаемой дали, до которой было, по заверениям прохожей старушки, "рукой подать", а точнее - несколько километров.

Перо дрожит, пытаюсь описать муки, перенесенные в унылом, как исход из Египта, странствии нашем через выжженный солнцем город Галич, протянувшийся по берегу одноимённого озера на десять с лишним - о, явно с лишним! - километров, каждый из которых мы измерили опухшими ногами. И что же узрели мы, достигнув берегов обетованных?! Гумно с чахлой травкой, усеянное коровьими лепёшками да пустыми бутылками. Несколько мужчин, надсадно крикая, играли "в мячика", а несметные стаи ребятишек плескались в жидкой грязи, именуемой водами Галичского озера. На берегу, среди грузовиков и волейболистов - две фанерные раздевалки, хлипкие мостки, разохшиеся лодки...

Прошествовав по мосткам, прыгнули в зелёную воду, уйдя по бёдра в жижу и подняв окрест себя неоседающую муть. Поплыв, хлебали оную муть, тщетно выплёвывая её в муть же и непрестанно ощущая пупком илистое дно. Вследствие чего, прокляв озеро, выбросились на берег, под могучее дерево, по заверениям Главкульта, - дуб.

ПОЛУЧИВ ПРИВАЛ, НЕ ЗАБУДЬ, КТО ЕГО ДАЛ
(КОМАНДОР)

Из сна под деревом вырваны были небесным громыханием, оказавшимся, впрочем, столь же тщетным, как туалетные потуги Командора и похотливое чмыканье Вриосекса. Одиноко упавшая на Широкие Массы капля была при ближайшем рассмотрении квалифицирована с сильным запахом птичьего кала.

Добежав до улицы, хлебнули холодной воды из колонки и рейсовым автобусом доехали до плоскогорья Гоби. Определившись по компасу, вывели нас Командор на окраины этой асфальтовой пустыни, где на втором этаже деревянного дома обреталась столовая под вывеской "Ресторан". Умолчу о гуляше из вымени, которым город Галич откликнулся на жгучие потребности желудка; умолчу об яичнице из яиц, разбитых позавчера и зажаренных накануне; умолчу о сметане, над которой в стакане стоял сантиметровой слой мутноватого отстоя. Умолчу о пище, ибо даже она не смогла воздействовать на Командора и, стало быть, не соответствовала даже

и этой последней функции. Довольно сказать лишь, что введенных калорий нам едва хватило добрести до бывших крепостных валов. В тени валов рухнули мы наземь и стали ждать заката беспощадного светила.

Созерцая поодаль группу аборигенов, коллективно вкушающих из огромной фляги и тут же опорожняющихся на древние валы, Командор задумчиво проговорили на тему простых сельских радостей, как-то: вино и женщины. Напрасно Вриосекс изображал возмущение непосильностью Командорских требований в подобной зной; Командор заткнули ему рот кратким, но энергичным напоминанием о вырезе и золотом дожде, коим Вриосекс поутру оный осыпал. Засим Командор, сами себя перебивая от нетерпения, вознамерились поведать народу, как лишились невинности. Для наблюдения за действием описаний своих, отличавшихся красочностью и живостью деталей, повелели Они Ш.М. перевернуться на спину, дабы могли Они, Командор, видеть народную реакцию на Их рассказ. На что Демагог, подмигивая многозначаче, шепнул Главкульту, якобы Командор перепутали реакцию с эрекцией. Узрев огонь в очах Вождя, отпрянул змеиное отродье, опасаясь кары, но остановлен был возгласом Командора, снизошедших до разъяснений, что Они, Командор, не гомосексуалист и эрекция его волнует только собственная.

За это время облачная дымка скрыла солнце, все ещё стоявшее в зените, невзирая на вечернее время. Посему Командор повелели трубить подъём всех членов на предмет паломничества к Паисиеву монастырю. Поглядывая в путеводитель, вывели нас Вождь на покрытую лесом гору, где решительно взяли вправо, полагая, что вправо - это где больше тени. По счастливой случайности тени больше было слева, вследствие чего мы благополучно вышли к искомому монастырю в виде живописных руин, снабжённых угрожающей надписью "ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ".

Порадовавшись за охраняемую единственную (из бывших пяти) главу храма, на коей барабан сверх шлема имел луковицу - архитектурные излишества XVI века! - повернули мы вспять по луговой дороге, среди засыхающей картошки и уже засохшей ржи. Оборотясь назад, слегка восторгнулись видом храма на фоне лугов: красив издали высокий одноглавый куб с мощными, половинной высоты апсидами. А впереди, на сером фоне Галичского озера, живописно извивался остывающий к вечеру город с чудовищным отростком Рыбной слободы, уходящей к описанному выше пляжу.

Задрожав крыльями своего римского носа, Командор молвили в раздумье: - Пластовский пейзаж.

Главкульт залепетал невразумительное насчет эрудиции Командора.

Обмен художественными впечатлениями прервало нам появление среди поля местной поселянки, шедшей встреч с полными корзинами - видно, для угощения Вождя. Узрев бабу, Командор одобрительно похлопали Вриосекса по плечу и поделились с нами наблюдением из жизни: - Хорошо во ржи грести...

Завидев Командора в Их величии, поселянка, оробев, метнулась прочь, что было явным упущением и недоработкой Вриосекса. Командор, однако, исчезновения бабы не заметили, увлечённые изложением теории гребли посуху.

ВОТ СОСЕНКИ, ВОТ СОСЕНКИ,
 НАЛЕВО И НАПРАВО,
 А ТЫ ГРУСТИШЬ О ТОСЕНЬКЕ –
 КАКОЙ ЧУДАК ТЫ, ПРАВО...
 ВОТ ВЕТОЧКИ, ВОТ ВЕТОЧКИ...

О СВЕТОЧКЕ...

ВОТ ЮБОЧКИ, ВОТ ЮБОЧКИ...
О ЛЮБОЧКЕ...

ВОТ ПАШЕНЬКИ, ВОТ ПАШЕНЬКИ...
О НАТАШЕНЬКЕ...

(ПОЭТ. 32 ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ "ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ МОЯ...")

Спустившись далее с холмов, пересекли рельсы, на которых стоял вагонный посёлок, обнесенный поленицами дров и врытыми в землю столами для "козла". Налюбовавшись на галичское решение жилищной проблемы и демографического взрыва, проследовали к вокзалу, где шумные толпы цыган расположились в станционном садике вкупе с детьми и бутылками. Бутылки, как и дети, ходили по кругу, всё увеличивая шум. На платформе, по наблюдениям Командора, появилась прохлада и не менее привлекательные особы противоположного пола, общим числом до трёх. Сугубо платонические подсчеты Командора повергли Вриосекса в замешательство, из какового выведен он был Командором, сообщившими об отсутствии у Них серьезных намерений. Посему проследовали на автобусную остановку, откуда городской автобус повлек нас снова по улицам Свободы и незабвенных борцов за неё в самый конец Рыбной Слободы.

Автобус изнутри оснащен был помимо молчащих пассажиров полупьяным туземцем, кой болтал непрерывно, обходясь на удивление малым словарным запасом: - Душевно уважаю, да, Коля? Устроим душевный замесец сегодня, а, Коля? Ну! Я ж говорю, душевные люди. Девушка, душевно вам говорю, мы вас душевно уважаем. - Сходя, абориген ухватился рукой за дверцу и воскликнул, глядя на траву под ногами: - Ух, страшно - никакой страховки!

На выезде из Галича, где дорога поворачивала на Шокшу (по-местному "Шокшинская повёртка"), Командор отпустили автобус и призвали нас к автостопу. Первой жертвой пала машина сельских киномехаников, мчавшихся куда-то в недра Галичского района сеять разумное, доброе, вечное. Недра, однако ж, оказались в стороне от нашего пути. Не проехав и десяти километров, пришлось под ободряющие напутствия киносеятелей двинуться пешком в неведомую даль, где долженствовала быть деревня Степаново.

Вскоре встречу нам с рёвом промчался мотоцикл с бабой за спиной, из чего Главкульт заключил о близости большого культурного центра. Ободрённые, ожидали мы узреть впереди огни. Огни, напротив, появились сзади и к тому же, вопреки всему слышанному нами о городских огнях, быстро приближались. Приблизившись окончательно и с рёвом, оказались тем же мотоциклом с заспинной бабой. Когда же, по прошествии ещё сотни метров, рёв с огнями и бабой вновь стал надвигаться на

нас спереди, Главкульт впал в исступление от этой загадочной игры природы. Дока Вриосекс разъяснил обалдевшему нашему интеллигенту: - Это он её готовит...

А Демагог глумливо добавил: - Уж он её сегодня укатает.

Ухмыльнулся Ш.М., а Начфин, на скорую руку прикинувши километраж, расход бензина и общую стоимость механизированного флирта, стал издавать не то визг щекотимого, не то квохтанье удовлетворённой курицы. Разложение пресёк окрик Командора: - Разговорчики в строю!

Меж тем слева по курсу обнаружили на сей раз неподвижные огни и звуки эстрадного оркестра. Оглядев наш потрёпанный маршем строй, Командор не решились доверить нам важное дело разведки и послали в неё себя. Издали внимали мы приглушенным звукам Их продвижения к сельскому клубу, замаскированному под полуразвалившуюся избу. Короткий шум схватки позволил нам понять, что Командор взяли языка и вяжут его. Вскоре оттуда же потекла неторопливая речь Командора и торопливая - языка, каковой, очевидно, развязался. Уже взвалили мы рюкзаки на плечи, готовясь к ночлегу в захваченном селе, как тут в потёмках возникла невысокая фигура Вождя и родным голосом скомандовала: - Отставить!

Не разъясняя ситуации, Командор повели нас прочь от деревни. Чуткие догадки касательно судьбы языка и прочего рисовались в нашем воображении, когда Командор лаконично приказали: - Здесь!

Узрели мы себя среди широкого ночного поля с дальними огоньками на горизонте, каковые Демагог пытался выдать за волчьи глаза. Одинокое деревце между голых борозд - это и был весь наш уют. Ужаснувшись, попытались мы возроптать, но пресечены были в зародыше. Командор подали личный пример, погрузившись в спальник и натираясь антикомариной "Дэтой". С опаской поглядывая окрест себя, погрузились и мы, воткнув у головы на всякий случай походное оружие - перочинную финку.

ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЛЕЧЬ,
ЛОБЗНИ КОМАНДОРСКИХ ПЛЕЧ
(ДЕМАГОГ)

Лёгкий ветерок ласково обвевал прильнувшие к сырой земле небритые лица и уносил вдаль могучий храп Командора. Под звуки оного и погрузились мы в блаженное забвение на широких родных просторах.

МОЛОЧНЫЕ РЕКИ, ДЕРЕВЯННЫЕ БЕРЕГА

Пробуждение наше было ускорено беспощадным светилом (не путать с Командором, каковые беспощадны бывают только к отступникам). Поднявшись и сложившись, узрели вокруг идиллию, состоявшую из лугов, речушки, окаймлённой деревьями, уходящей вдаль дороги и видневшегося на холме совхоза.

При виде речушки Командор совлекли одежды и со стоном наслаждения погрузили себя в холодные воды, доселе хрустально-чистые. Широкие Массы верноподданно последовал, от чего река переменила не только цвет, но и запах.

Демагог принялся подобострастно поливать водой горячее тело Вождя, на что Скромнейший из скромных заметил: - Не делайте из Меня культа! - И добавили, объёмля широким жестом речку, луг, лес и даже отдельные участки неба: - Конечно, не забывайте, кто вам всё это дал. Но не поливайте Меня водой, это лишнее. Лучше отгонять от Меня комаров, когда я буду днём спать. - Выйдя из речки на пригорок, Командор устремили взор на луг: - Баба идёт! Баба в красном!! Грудастая! Махом бы её, махом! Молодец, Вриосекс, стараешься, не забуду! И-эх, молодая, нерожалая... А что за мальчик при ней? Откуда мальчик? Кто допустил? Главкульт, бери мальчика на себя! Ну вот, уходит... Ушла... Вот сука! Упустил Вриосекс... А ты, Летописец, чего строчишь? Ах, паразиты... Прогнать бы вас всех, да чегой-то добрый Я сегодня - никак в животе покручивает. Может, холодная вода действие оказывает?

КОМАНДОРСКИЙ ЧАС – ЧАС, КОТОРЫЙ КОМАНДОР ПРОВОДИТ В ТУАЛЕТЕ
(ГЛАВКУЛЬТ)

С надеждой взошли Командор на стул среди чиста поля, но увы нам! - поле так и осталось чистым. Грустно восстав, повели Они нас на противоположный берег к видневшейся вдали дороге.

Пространство между рекой и дорогой занято было совхозным поголовьем, при виде чего Демагог внезапно побледнел, невзирая на небритость. Опрошенный о причине, лицемерно заявил, будто не боится, но однажды был уже брат быком на рога. Командор популярно объяснили трепещущему всю глубину различия промеж быком и коровой, ибо из оных состояло мирно шествовавшее стадо.

Согласно указаниям попутных пастухов вышли мы на "каменку", сиречь булыжную дорогу Галич-Чухлома. Здесь, возле моста, сев в тени заброшенного дома, обнаружили мы потерянную "бабу в красном", но при ближайшем рассмотрении оказалась она девичей четырнадцати лет и была отвергнута в пользу сгущенки, отчего и обрели мы второе дыхание.

Засим повелели Командор Начфину выйти на широкую дорогу и, остановив телегу с молочными бидонами и сопровождающей бабой, оную подоить. Начфин же - о, хитроумный! - вернулся с задания не только с бутылкой парного молока и молочными струями от подбородка до колен, но и с нетронутым кошельком - в силу доброты народа в лице сопровождающей бабы. Дармовую бутылку Командор взяли себе, указав, что парное молоко в трудную минуту заменяет касторку. Выслушав же рассказ Начфина о доброте народной, Командор растроганно погладили уже пустую ёмкость по пузатым формам и изрекли: - Да, таковы наши русские женщины. - И словно слышав его слова, с пригорка появилась упомянутая, при виде какой

Командор одобрительно кивнули Начфину и Вриосексу. Демагог же, узрев, что кивок на его мерзкую персону не распространился, издал зубовный скрежет и стал нашептывать на ухо Командору: - Не годится... Не годится... - И шептал сей отщепенец рода человеческого до самых тех пор, пока упомянутая не удалилась, оскорбленно покачивая тазом. Тогда Командор выдернули с усилием своё ухо из сладострастно, трубочкой, вытянутых слюнявых демагоговых губ и, оборотясь к Начфину, гневно возопили: - И эту упустил, копеечная душа! Много себе позволяете! В любимчиках у меня ходите! - во гневе забыв, что недостоин последний по малочисленности достоинств своих обращения на "вы".

Долго ещё бушевали Командор среди притихших от ужаса толп и, завершив бушевание возгласом "Пора кончать с фаворитизмом!", оборотились к Вриосексу и распорядились вести местные молочные кадры гуртом и в массовом масштабе, а уж Они, Командор, сами на месте разберутся, кто на что годится. - Впрочем, - заметили Они, остывая и с самокритикой, - не надо, ладно... Ещё подумают, бугая им племенного привезли, что только и знает - пожрал, тут же погрёб... Но среди нас таких нет! Таких только в клетке возить! - И окончательно разошедшись, доверительно произнесли: - А что, братцы, не чхнуть ли нам вообще на поход этот, не остаться ли здесь под мостом жить, в реке купаться, молочные подводы грабить, а?..

Раздался среди нас вздох робкой надежды при этих Командоровых словах, а Широкие Массы даже стал торопливо расстёгивать штаны.

- Во! - тепло проговорили Командор. - Дурак, дурак, а ведь тоже понимает. Правильно, Ша-Эм, если оставаться, так только при условии, что надлежащее удовольствие будет обеспечено всем членам коллектива, включая наши собственные члены. - И тут Командор строго и отечески посмотрели на зардевшегося Вриосекса.

А солнце поднималось в своём зените всё выше, хотя выше было некуда, и продолжало изливаться зной, И в Лондоне Биг-Бен пробил семь с половиной утра - в полном соответствии с часами Командора, показывавшими 9.30 того же самого.

В этот роковой миг Широкие Массы ощутил в себе новые идейные устремления и шевеления, вследствие чего, передав свой дозорный пост на "каменке" соратникам, сам удалился в кусты.

...С РАЗДУТЫМ ЖИВОТОМ,
ВЕСЬ ВСПУЧИВШИСЬ, КАК МАЙ, ОТ ГРЕШНЫХ СОКОВ
(ШЕКСПИР. ГАМЛЕТ, Акт III, сцена 2)

Но не успел он прильнуть к мать-сырой земле, чтобы отдать ей кесарево, как раздался призывный глас Командора. Вылетев из кустов, как ошпаренный, Широкие Массы увидел, что Командор держат под уздцы храпящего, но уже стреноженного дикого мустанга породы МАЗ. Мужественно заглядывали Они в скошенные глаза коня, а свободной дланью ласково трепали шофёра по ходке.

Широким жестом предложили Командор всем занять места. Мы взгромоздились с рюкзаками в кабину и поехали на Чухлому.

Дорога в ад, полагаю, лучше, чем на Чухлому из Галича. Несть числа ямам и ямкам, ухабам и рытвинам, которые терзали нас, швыряя во всесторонних направлениях. А сбоку палило нещадное солнце, и пот заливал наши мужественные лица. А ветра не было, как будто Господь Бог забыл его в своём инвентарном списке

упомануть вообще. А внутренности Ш.М. терзало желание выпустить газы, и ещё выпустить, и ещё, и даже - о, стыд и позор! - остановиться сию минуту и отдать, наконец, проклятое кесарево.

А на этом фоне тёк неторопливый и скупой, как Начфин, разговор. Командор выясняли у шофёра все возможные детали всех возможных вариантов всех возможных трасс, которые грезилась Им в долгие зимние ночи подготовительного периода, когда Они проводили незабываемые часы в туалете над картой Костромской области. Уже обалдевший шофёр путал Чухлому с Галичем, а Галича с Окуджавой, уже и лесам надоело мелькать по обе стороны шоссе, а Командор всё допытывались у водителя, не ближе ли будет из Солигалича до Николо-Берёзовца, если учесть, что от Чухломы до Николо-Берёзовца через Солигалич чуть больше, чем меньше, тем лучше.

Шофёр вдруг резко затормозил и выскочил из кабины. С удивлением смотрели мы на его удаляющуюся спину, пока на фоне её не заметили вывеску "СТОЛОВАЯ".

Командор последовали за шофёром, - наверно, довыяснять подробности маршрута из Чухломы на всё тот же неуловимый Николо-Берёзовец via Солигалич - Нью-Йорк - Тель-Авив. Широкие же Массы направился было на поиск языческого сооружения с древне-феодальными вензелями «М» и «Ж», но прежде вожделенных дверц узрел во дворе столовой у колодца местную красавицу осьмнадцати лет, с которой тут же вступил в предварительный контакт при посредстве ведра. Предложив ей свои услуги, Ш.М. рассчитывал бегло установить смычку города и села тут же, на соединяющей их дороге. Но село неправильно поняло намерение Ш.М. и потупясь отвечало, что, мол, не надо. К счастью, из столовой вышла распаренная дуэнья и пристыдила молодницу, после чего она дала, наконец, Широким Массам донести в порядке смычки ведро на кухню.

Вернувшись в зал, Ш.М. застал Командора, жадно поглощающих национальный напиток под названием "морс". Командор милостиво позволили Широким Массам пригубить из своего стакана божественный, розоватый и тёплый нектар. В углу тоскливо и безнадежно глотал морс очумевший шофёр. Кадык его трепетал в горле, как подстреленная птица; а в глазах притаился ужас, хотя он, по его словам, зарабатывал в месяц до 400 рублей, за вычетом тещи.

И вот мы снова трясёмся. Шофёр судорожно вцепился в баранку, словно ни на что больше не надеясь. Командор продолжали пытать шофёра, Ш.М. переживал в памяти мельчайшие детали своей смычки с массами крестьянства, а внутри него газы бушевали, как страсти, и видно было, что уже не обойтись без кесарева сечения.

А дорога была беспощадной, и ни один метр из 36 километров до Чухломы не был вымощен даже благочестивыми намерениями, не говоря уже об асфальте. И эти 36 километров мы ехали один час и сорок минут.

ПЕРВЫЙ БУНТ

Машина свернула у леспромхоза на въезде в Чухлому. Мы снова взвалили рюкзаки на плечи. Булыжная мостовая, окаймлённая пыльными дощатыми "тротуарами", круто поднималась в гору.

На ближайшем перекрёстке мы сбросили рюкзаки в тени. Ш.М. отправился во двор стоявшей на углу пекарни в поисках туалета. Спустя несколько минут он появился с блаженным выражением на лице. За это время Командор сговорился с подвыпившим хозяином ближайшего дома оставить рюкзаки до вечера. И теперь мы могли налегке, с одной лишь авоськой в руках, двинуться в центр.

НА ВКУС И ЦВЕТ
ЛУЧШЕ КОМАНДОРА НЕТ!
(ДЕМАГОГ)

Чухлома оказалась зелёной и уютной деревней, без претензий большого города, но простота её была не та, что хуже воровства. Даже Демагог восхитился тропками из досок на траве тротуаров ("Наконец-то мы на панели", - игриво заметил Вриосекс), домами с резьбой, скромной компактной центральной площадью, без жалкой пышности галичского "центра". Главкульт проник в книжный магазин, где полтора часа упивался пылью и книжными залежами в подсобке и чуланах, куда был допущен воздействием Вриосекса на продавщицу преклонных годов. "Любви все возрасты..." по словам Поэта. Начфин, хотя и содрогнувшись от цены набранных книг, каковая составляла 11 рублей, не затронутых инфляцией, был однако ж на стрёме и тонким маневром уберёг бюджет: упросил хитроумный продавщицу выслать книги наложенным платежом.

Командор поощрили Начфина взглядом и перешли к обзору Успенской церкви, замыкающей площадь. Главкульт заметил, что храм так уместно поставлен, так сдержан и ясен, что невольно внушает спокойствие и лёгкую радость. Демагог немедля и с радостью великой изобличительно ткнул немытым перстом в путеводитель доктора А.А.Тица, где на странице 76 сказано, что храм расположен по отношению к площади с некоторой случайностью. Но был посрамлён ехидна Главкультом с помощью того же доктора Тица, коий на следующей странице начертал: "Храм очень хорошо поставлен". А и вправду хорош простой и точный сей куб и шатровая колокольня рядом. Изящная вертикаль её возникает ещё при подходе к площади, по мере приближения силуэт растёт, увлекая за собой вверх взгляд и настроение, что и выразил Поэт наш: "Островерхий её силуэт безошибочно мастером вписан в голубую рамку небес".

Обойдя церковь, увидели взамен обещанного путеводителем старинного парка лишь чахлые пыльные деревца и непременно для каждого населённого пункта статую, в коей Командор узрели нечто от себя. Друзья-соперники разошлись мирно.

- А парка-то никакого...- засуетился было Демагог, но тут-то и открылись нам те самые "вековые", "могучие" с широкими и безлюдными дорожками между ними, с длинными и пустыми скамейками над обрывом, откуда открывался широченный вид на зеркало озера, сливающееся вдаль с небом. Тропки и деревянные лестнички спускались под обрыв, к домам между заросшими зелёным камышом заводями. Тихо двигались лодки по глади воды. С мостков, разбросанных на берегу, купались люди.

БЫЛИ ТУТ И ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫЕ СМОТРЕЛИ ИЗДАЛИ
(МАРК, 15:40)

Всё было, как в Галиче - и всё по-иному: чище, шире, просторнее, тише. И тишина эта, простор и чернеющая вдаль купа построек Авраамиева монастыря на дальнем берегу так естественно сливались с тишиной и прохладой пустынного парка, что на душе становилось легко и покойно. Не верилось, что в двух шагах отсюда жарит солнце, оглушает зной и душит сухая мелкая пыль.

Командор углядели туалет и совершили ещё один безуспешный заход на цель. Потом Они легли на скамейку и почивали, слегка потев во сне от духоты. Ш.М. в это время тоже потел, пиша письмо суженой. В конце письма поставил он по привычке крест. Сиеста завершена была водопоем из колонки в овраге, куда сопровождаемы были обнаружившимися в парке юными питомцами местного детского дома.

Напившись, воротились в парк, где Командор начали общаться с народом в лице юных аборигенов, Главкульт отправился надевать плавки в туалет типа сортир, где попутно изучал местные наскальные надписи и фресковую живопись, посвященные в основном двум темам: некоему Ваньке Шумилу, он же Бертолет, коего обвиняли во всех смертных грехах и нескольких бессмертных, а также прославлению некоторых физиологических актов.

Вернувшись, Главкульт застал Командора беседующими с аборигенами на узко-семейные темы. "А у меня ещё брат есть..." - возвещал абориген. "Угу..." - заинтересованно откликались Командор. И помолчав минут пять, добавляли с мудрой простотой: "Брат - это хорошо". Потрясённый абориген с обожанием взирал на разомлевшего Вождя.

Меж тем Демагог, завидя распаренность Широких Масс от духоты и изучения наскальных рисунков, приступил к дальнейшему ослаблению народного духа путём наущения бунтовать. И достиг змей двурушный смятения в Широких Массах, подступивших внезапно к Командору с решительным требованием чего-то делать. В качестве вариантов Ш.М. предлагал: а) купание в озере, б) катание Командора на лодке с одновременным обмахиванием Их членов, в) прогулку по городу, пользуясь наступившей пасмурностью, г) выход на Солигаличскую дорогу с последующим взятием на бордаж машины, идущей на Ножкино, к Авраамиеву монастырю.

Тень легла на лик Командора. - Чего ты суетишься? - спросили Они Ш.М., пытаюсь унять охмурённого. Но Ш.М., не понимая всей глубины руководящей мысли и мня себя оскорблённым в своих лучших намерениях, совершил акт гражданского дезертирства, покинув Командора, как раз собравшихся в туалет, и не оказав Им дружеской поддержки и воодушевления. Вместо этого Ш.М., ничего не говоря, умчался на почту (через 15 минут она закрывалась), в хлебный магазин, - снова примчался в парк, выхватил из рук Командора авоську с вещами, произнёс пылкий и невнятный монолог и опять умчался, буркнув, что будет ждать на площади.

Командор появились минут через сорок, бледные и слегка пошатывающиеся. Крупные капли пота покрывали Их мужественные черты лица. Милостиво обратившись к народу, Командор известили, что у Них был трон, окрашенный Их благородной голубой кровью. Потрясённый величием совершённого, Ш.М., лъстиво заглядывая в глаза Вождя, глуповато спросил: - И много его было, этого трона?

Командор, устало прикрывая вежды, ответили просто и бесхитростно: - Не знаю. У меня безмена не было.

Ш.М., сознавая свою вину, огорчённо заметил: - Надо было мне, дураку, взвесить тебя, Командор, до и после.

На что Командор со своей постоянной снисходительностью к слабостям малых мира сего ответствовали: - Ещё успеешь.

ДЕНЬ БЫЛ НАЧАТ ХОРОШО:
 ВОЖДЬ СХОДИЛИ НА ГОРШОК
 КРАСНЫЙ ДЕНЬ В КАЛЕНДАРЕ:
 ВОЖДЬ СХОДИЛИ НА ЗАРЕ
 У КОМАНДОРА ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС:
 ОНИ СХОДИЛИ В ТРЕТИЙ РАЗ

(ПОЭТ. ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ)

Беседуя на эти и прочие архитектурные темы, мимо домов с накладной резьбой дошли Командор и Широкие Массы до старика, оставленного в полдень при рюкзаках, и обнаружили его в той же позиции.

Навьючась, вышли мы снова на тяжкую стезю. Пройдя метров двадцать, устало сбросили ношу на траву, а рядом положили свои мощные туристские тела. Здесь, на перекрёстке, собирались мы ловить машины на Ножкино, имея в качестве альтернативы устройство в чухломской гостинице. Правда, Широкие Массы угодливо распространялся о своей готовности пройти до Ножкина пешком все двенадцать кэмэ, но Командор со свойственной Им человечностью запретили и помышлять о каких-либо усилиях, превышающих перетаскивание рюкзака больше, чем на сто метров, и обещали лично показать пример.

В последовавшие полчаса Командор то и дело, рискуя жизнью, бросались под колёса скорых помощей, милицейских машин и даже одной инвалидной коляски - но вотще: Ножкино манило, да не приближалось. Тогда Командор вдруг решительно встали и приказали цеплять рюкзаки и двигаться на следующий перекрёсток.

Как всегда, решение Командора было гениальным. Не успели встреченные аборигены заверить нас, что машины нам не дождаться, как подкатила машина на Ножкино и затормозила у самых ног Командора, угодливо лебезя кузовом. Шофёр из кабины делал Командору ручкой. Могучая длань Вождя подбросила Широкие Массы наверх вслед за рюкзаками.

На ближайшем повороте в кузов ввалились пять заморенных туристов в составе двух семитов, девицы с выступающими зубами и двух растрёпанных парней неопознанной принадлежности и с гитарой. Упав на тощие свои рюкзаки, эти представители городской фауны немедля открыли рты и понесли каждый своё одновременно: один из семитов шпарил целыми главами Джерома, другие ахали, пузырясь слюной: "Ой, лошадка! Смотрите - домик!", зубастая же девица чирикала восторженно об их удачливости. Только в Ножкине, где выяснилось, что машина в Солигалич не пойдёт (о чём Мудрейший из Командоров, разумеется, знал с самого начала), только здесь, увидев себя в окружении сельской местности и убедившись путём прямого наблюдения, что манная каша на деревьях не растёт, приутихли юные расхитители общественной тишины.

Начфин же, уловив намек Командора (произнесенный сквозь сжатые губы, он прозвучал как "мо-око!!!" с глухим пристаныванием в конце), вывел Лаконичнейшего из лаконичных на дойную бабу. Вскоре в руках у Командора появилась литровая банка молока, из которой Они то и дело прихлёбывали по пути, объясняя Широким

Массам, что иначе оно прольётся. Так, покинув сионистскую банду на пустынной дороге коротать ночь с зубами и Джеромом, неся на спине рюкзаки, а в руке - трофеи, мы поднялись по холму к монастырю, где под огромными елями, стоящими на 50-метровом обрыве над озером, Командор милостиво повелеть соизволили быть ночлегу.

И БЫСТЬ СЕЧА ЗЛА

Тихо лежало под обрывом озеро, на дальнем берегу его, как укоризненно поднятый к небу гипсовый палец, белела чухломская колокольня.

БЛЮДИ ПРАВО ПЕРВОЙ КОМАНДОРСКОЙ НОЧИ (ВРИОСЕКС)

А здесь, под мощными стволами елей, Командор руководили подготовкой к чревоугодию. Ш.М. разводил костёр и выметывал на стол продукты под панический шепоток Начфина: - Банка сгущёнки – одна, банка тушёнки – одна, литр молока – один, хлеб белый и чёрный - много...

Возлежа на боку подобно римским патрициям, с которыми у Командора так много общего, Вождь с достоинством отпробовали от каждого блюда. Оставшиеся стакан молока, треть тушёнки и полбанки сгущёнки, а также куски хлеба Они предоставили Широим Массам, милостиво разрешив есть в своём присутствии и даже некоторым - сидя.

В ложбинке у елей была постелена постель, после чего Командор протрубили общий сбор и, пройдя перед строем, проверили общую боевую готовность. Впереди был трудный переход к Авраамиеву монастырю, останки которого высились тут же на пригорке.

Под водительством Командора мы поднялись к развалинам для получения эстетического удовольствия. После краткого обмена мнениями пришли к выводу, что живописный пейзаж монастырских руин несомненно выиграл бы, если вписать в него столь же живописные, но более сохранившиеся тела юных пейзажников. - Можно даже туристок, - задумчиво добавили Командор, внимательно изучая детали архитектурного декора середины семнадцатого века.

Продолжая переход, отряд пришёл в соприкосновение с передовыми разъездами студентов московского архитектурного института, расположившимися на поляне перед братским корпусом. Поинтересовавшись половым составом реставрационной бригады и выяснив, что в ней представлены лишь гомосексуальные с нами особи, Командор бегло уточнили, что именно реставрируют вышеупомянутые, после чего отвели части на место ночлега.

Небо было белое, озеро серое, тишину нарушал лишь гулкий вой комаров, слетавшихся на ночное пиршество. Близился одиннадцатый час вечера - время людского сна и комариного бдения. Впереди была знаменитая кровавая битва, которая, даже описанная слабым пером моим, войдёт в историю ярчайшей страницей.

Полюбовавшись озером и спящей деревней, Командор отметили, что храм, стоящий в самом Ножкине и уродливый в ярких лучах солнца, ныне, в свете белой ночи, приобрёл ажурные очертания. Главкульт осмелился добавить, что, возможно, именно таким - в контуре, ажурным - виделся он архитектору на чертеже. Беседа об искусстве зодчих завершена была оглашением диспозиции Командора: всем мазаться "Дэтой" и ложиться поверх спальных мешков; топоры и ножи, а также огнестрельное и стратегическое реактивное оружие привести в боевую готовность и положить под подушку.

Первая атака неприятеля была мощной и неожиданной. В отличие от комаров под деревней Степаново ножкинские комары легко пробивали броню "Дэты" и наносили частые и мелкие удары как по защищённым, так и незащищённым местам. Отдельные комары типа "Летающей крепости" пронзали даже толщу штанов и рубаш, нанося сокрушительные бомбовые удары по находившимся в упомянутой одежде телам.

Широкие Массы то и дело вздрагивал, вскрикивал, взвизгивал и, наконец, вполз в спальник, укрывшись им с головой. В оставленную щель он выставил нос и глаз, коим уважительно взирал на Командора, мужественно копошившегося в ширинке несмотря на суровую опасность момента. Увидев недоумение в глазу Широких Масс, Командор небрежно бросил: - Что-то душно...

ЧТО КОМАНДОРОВО – ТО ЗДОРОВО
(ВРИОСЕКС)

Духовная стойкость и выдержка Вождя породили в мозгу Поэта состояние энтузиазма, которое вылилось в следующий вдохновенный гимн:

*А Командору хоть бы хны
Ему укусы не в новинку
Он даже растянул штаны
Чтоб член дышал через ширинку*

Командор жизнерадостным смехом одобрили творение Поэта. Возревновавший же Вриосекс в жажде высочайшей похвалы, ощутил в себе внезапно шевеление некоего зуда, принятого им по малограмотности за поэтический, и в радостной потуге разродился топорными строками, выражавшими мечты, рисовавшиеся в его одномерном мозгу:

*Девок порем, порем, порем –
Стёрся член под самый корень.*

Твёрдая убежденность Командора в светлых перспективах похода влила новые силы в тело Широких Масс, изнемогавших в неравной схватке с духотой. Ш.М. решительно выдвинул верхнюю часть туловища из спальника и подставил её комариным полчищам.

Но слишком неравны были силы. Не прошло и минуты, как Командор взревели, аки вепрь подстреленный, и полезли в мешок, а Широкие Массы трусливо спрятались под полиэтиленовую накидку.

Некоторое время всё было тихо, если не считать победного воя комаров. Потом из спальника осторожно выдвинулась голова Командора и оглядела поле боя. Ш.М. судорожно отбросил накидку и возник из-под неё, торопливо хватая воздух широко раскрытым ртом на потном банном лице. (Мог ли Ш.М. в тот момент предполагать, что в мозгу Командора уже формировалась мысль о настоящей бане для народа?!).

Ш.М. первым взялся за тубик "Дэты". Он мазал ею лицо, как мажут белый хлеб белым маслом - равномерно и толсто.

- Смотри, плакать будешь! - сурово сказали Командор, попутно борясь с крылатыми врагами посредством свободных конечностей.

- Буду! - охотно согласился Ш.М. - Я всё буду, лишь бы не жрали живьём эти суки. Утомлённые маханием конечностей, Вождь промолчали.

Близился двенадцатый час ночи, когда Командор, издав последний стон, от которого задрожали и притихли окрестности до самой Чухломы, схватились за "Дэту". Но даже в эту минуту Они нашли в себе силы заметить для летописи: - Любимых женщин надо называть "Дэтой".

Эта глубокая мысль вдохновила Поэта на нижеследующий экспромт:

*Когда с тобой в походе "Дэта",
Ты можешь с нею спать раздетый.*

Покрыв себя вторым слоем "Дэты", Командор на некоторое время затихли, с присущей Им неистощимой любознательностью наблюдая за редкими контратаками неприятельского авангарда. Широкие Массы закурил десятую за ночь сигарету, ароматный дым которой хотя и застилал небо вплоть до самой тропосферы, но одновременно создавал вокруг лагеря комарино-разрежённое пространство.

Это, однако, не помогло. Взмахи Командорских конечностей, вначале редкие и размеренные, становились всё чаще и чаще по мере того, как отряды комаров, привлечённые запахом свежей "Дэты", усиливали натиск на благородное тело. Спальники и подстилка, рубаха и мужественное лицо Командора были усеяны трупами противника. Вой устрашённого неприятеля достиг ультразвуковых высот. Несметные орды великого комариного воинства мчались из серой дали, одна за другой пикируя на наши позиции. Командор рубились, как Роланд в ущелье, не забывая напоминать мне, грешному, запечатлеть наиболее яркие моменты схватки.

Командор держались уже более получаса, когда Их вдруг осенила гениальная стратегическая идея. Схватившись за "Дэту", Они смело выдавили из тюбика полную пригоршню нашего "последнего оружия" и принялись торопливо натирать им штаны, рубаху и носки, скрывавшие (увы, не от комаров!) Их благородные члены. Завершив эту операцию, Они удовлетворённо засопели, откинувшись на спину и мстительно поглядывая на озлоблённо гудевших над штанами комарих.

Ошеломлённый мудростью Командора, Ш.М. закурил двадцатую сигарету и, воспользовавшись временным успокоением на линии огня, попытался вовлечь Командора в беседу на актуальные темы. Беседа, продолжавшаяся около получаса, слагалась из монолога Вриосекса и отдельных направляющих реплик Командора и завершилась мнением Начфина, что из четырёх форм женского бюста наиболее экономичен бюст, непрерывно и плавно возникающий из подключичных областей и распространяющийся до предпоследних рёбер в виде покаты холмиков. При этом Командор громко застонали сквозь стиснутые зубы, продемонстрировав тем самым огромную силу воображения.

БОЖЕСТВЕННАЯ ГРУДЬ
ЧТО ДЕНЬ, ТО БОЛЬШЕ ДАСТ ВАМ НАСЛАЖДЕНЬЯ
(ГЕТЕ. ФАУСТ, Ч.1, СЦЕНА 4)

А комарьё слеталось всё гуще, вой его становился всё решительнее, прорывы сквозь наши позиции всё чаще. Умолк Ш.М., занятый раздираем на себе отдельных зудящих частей организма, которые вскоре превратились в единую горящую плоть; рядом раздавались глухие стоны и яростные боевые кличи

Командора, изнемогавших под двойным слоем "Дэты" и тройным - неприятеля. Преданный Ш.М. прикрыл Командора своим телом, приняв огонь на себя. Было это в третьем часу ночи, когда - покрытые уже третьим слоем "Дэты", прокусанным тотчас же в тысячах мест, искурившие тридцатую за ночь сигарету - наши части дрогнули и стали посылать проклятия небесам. Дрогнули даже Командор. Они откинулись в изнеможении на спальник и просто, по-русски, сказали: "Пусть жрут, хрен с ними", смыкая усталые вежды и складывая руки на груди, - как бы показывая, что готовы быть загрызенными насмерть и опочить в неизменной этой позе. Тогда Широкие Массы взял фетровую шляпу Командора и стал оберегать Его сон, маша шляпой. Другой рукой Ш.М. курил непрестанно, дабы отогнать врага от себя. Полчаса длилось это самоотверженное единоборство, но в половине третьего ночи, когда небо стало уже светлеть (а в полночь оно было ещё таким светлым, что Командор читали книгу д-ра Тица, напечатанную мелким шрифтом), - так вот, в половине третьего, когда из сумерек несостоявшейся ночи стали выплывать озеро и леса, село и дали, рука Широких Масс в последний раз тяжело махнула шляпой, опустилась, дрогнула, ещё раз попыталась подняться - и замерла навеки.

Мгновение спустя Командор с диким воплем взлетели на полметра над своим ложем, ужаленные сразу во все чувствительные места по меньшей мере сотней комаров. Гнев и ярость Их, подобные безумию Геракла, были тем гневнее и яростнее, что Командор были малость обалдевши от дремоты под фетровым опахалом. Последовавшую за сим сцену никогда не забудут мои слезящиеся от дряхлости глаза. Командор рванули на себе штаны, как рвут на груди рубаху, - широко, отчаянно, зло и бесшабашно; Они обнажили свои благородные белые ноги и, схватив туристский топор, издали оглушительный рёв: - А ну, подходи, кто первый!!!

И тотчас топор сверкнул в воздухе, со свистом опускаясь на ногу Командора... нет, не могу продолжать... не могу ещё и потому, что именно в тот момент (при воспоминании об этом стыд душит моё сердце) Ш.М. покинул Командора, внезапно провалившись в сон, как в озеро.

ЕСЛИ КОМАНДОРА УКУСИЛ КОМАР, НЕ ГОВОРИ, ЧТО ОН РАСПУХ. РАДУЙСЯ, ЧТО КОМАНДОРА СТАЛО БОЛЬШЕ.

(ДЕМАГОГ)

Очнувшись от сна, Ш.М. увидел себя словно в ином мире. Покойно расстился трудовой пейзаж: солнце себе палило, архитекторы чего-то себе реставрировали, с криком швыряя кирпичи туда и сюда, мычали в лугах коровы и с дороги им залиvisto отвечали грузовики - день был в разгаре, часы показывали восемь. А рядом на спальнике лежали бездыханный Командор, окружённый горами изрубленных комариных организмов. Но нет! о, радость! - внимательный осмотр установил, что грудь и живот Командора равномерно вздымаются, а каждое их опускание сопровождается мелодичным всхрапыванием, напоминающим партию медных в симфониях Шостаковича.

Командор спали!! Враг был разбит! Победа была за нами! Наше дело-таки было правое!

ТРИЗНА

Широкие Массы быстро упаковал рюкзак и стал будить Командора. Приподняв вежды, Командор внятно отправили Широкие Массы в комариную задницу, опосля чего всхрапнули с надрывом, как бы подчёркивая этим своё негодование. Ш.М. тупо застыл у ложа Командора, изредка вздрагивая и почёсываясь от укусов слепней.

Солнце палило.

- Можно даже туристок, - неожиданно четко произнесли во сне Командор и задумчиво потёрли одну ступню о другую. Слепни недовольно зашуршали, покидая благородные члены. - Вот я вас, суки! - воскликнули Командор уже вполне осознанно, каковые слова относились, однако, не к Широким Массам и даже не к туристкам, как можно было предполагать с первого взгляда, но лишь к слепням. И с этими историческими словами Командор окончательно восстали от сна.

Всё сразу пришло в движение. Полки строились, рюкзаки складывались, стоянка свёртывалась. Грязные и потные, Командор тем не менее были величественны, как Наполеон (которого Они вообще весьма напоминали невысокими размерами своего плотного организма, коротким ёжиком над широким лбом мыслителя, небольшим животиком и большим стратегическим интеллектом), когда полчаса спустя выводили Широкие Массы на траверс Авраамиева монастыря.

Монастырь, обвалившийся с запада наполовину и напоминавший анатомический муляж, высился перед нами, прилепившись к массивной, пышной и уродливой постройке XIX века - пятиглавому высокому собору. Стены монастырского храма рассекали глубокие трещины. С трепетом вошли мы под готовые обвалиться своды, где не нашли ничего интересного. Выходили уже без трепета. Время, отведенное на эстетику, истекло. Бросив последний взгляд на руины, Командор развернули наши части в сторону пруда, где предполагали смывать "Дэту". По дороге миновали мужика, чистившего мелких, как семечки, карасиков на завтрак прожорливым реставраторам. Караси были из пруда, представшего нашим очам в виде грязной, изумрудно-зелёной лужи, почему-то вызывавшей воспоминания об отхожем месте.

Нахмурясь, Командор повели Широкие Массы прочь от пруда в деревню. Солнце выпаривало лужу у колонки. В небе стояла голубизна, не тронутая тучками, как совесть младенца. Командор перебирали дальних родственников по материнской линии автора "Справочника туриста", согласно которому перистые облака, наблюдавшиеся наш накануне, вещали близкий дождь. Как говорят у нас, пишущих, "автор смотрел впереди гонорар" и, согласно изречению Командора, "ни хрена больше".

Умывшись под колонкой вплоть до нижних конечностей, Широкие Массы последовал за Командором к дойной бабе, из которой Вождь извлекли два литра парного, тёплого и жирного, молока. Командор лично выкушали две трети оно, повелев Ш.М. испить прочее. Содрогаясь в душе, исполнил преданный приказ Командора. Нельзя не отметить, что с его стороны это был столь же героический, сколь и глупый акт самопожертвования, осложнённого безынициативностью и бездумным подчинением начальству, - основные качества, которые, увы, отличают нашу родную массу на всём протяжении её исторического пути.

Отяжелевши - не столь от пищи, сколь от солнца, - вышли мы на дорогу на предмет автостопа. В тени было жарко и пыльно. Машины упорно не шли дальше Ношкина. У местного магазинчика хлебовоз визгливо ругался с продавщицей; густой

мат висел в воздухе, смешиваясь со зноем, пылью и деревенской тишиной. Лошадь хлебовоза устало дёргала головой и ногами, пытаясь избавиться от слепней, разьевших её до крови. Поэт, находящийся в процессе стремительного опрощения, стал обмахивать бедную лошадку веточкой, из какого занятия был извлечён зовом Командора, стреножившего очередную машину. То был грузовик с сеном. Кряхтя и фыркая, со скоростью раздавленного таракана, он повлёл нас по дороге в Солигалич, оставляя позади место славного нашего сражения и не менее славной тризны, устроенной нами над могилами павших.

С МИЛЫМ РАЙ В ШАЛАСЕ, С ВОЖДЁМ - В СОЛИГАЛИЧЕ

До гроба буду вспоминать Солигалич, где все мы - благодаря, разумеется, мудрому (не устану повторять) водительству Командора - вкусили удовольствие от пуза. Светлым пятном в радужном ореоле будет Он (Командор, разумеется, как впрочем, и Солигалич) сиять в моей памяти на фоне прочего, как начищенный медный пятак в куче позеленевших копеек. Да, Бог создал Солигалич, а Командор привёл нас туда. Поистине, путь к замыслам Божьим лежит через мудрость Вождя.

ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ С ТАКИМ КОМАНДОРОМ,
ЧЕМ ПОД ЗАБОРОМ

(Ш.М.)

Машина, кряхтя и дымясь, влекла нас по ухабистой дороге, покуда не довлекла до столовой, стоявшей на середине пути. Здесь Ш.М. почувствовал первые признаки последствий неумеренной своей самоотверженности. Удалившись в туалет, он сии признаки уже не только ощутил, но и обонял, а также услышал в виде стремительно извергающейся из него струи отходов потребления. Судя по мощности струи, отходов было в два раза больше, чем самого потребления, и этот удивительный факт поверг Ш.М. в состояние прострации, ибо превышал его интеллектуальные возможности. Уже он хотел было остаться на дороге - о, паникёр! - но Командор решительно втолкнули его в машину, каковая двинула дальше.

А дождь всё-таки состоялся. Он настиг нас в пути - короткий, стремительный, ничего не изменивший вокруг, кроме нашего мнения об авторе "Справочника туриста". Выехав из дождя, мы подъезжали к деревне под названием город Солигалич.

Высились стройные каменные колокольни, словно восьмигранные карандаши, на равнине, окружённые морем крыш под мелкой дранкой. Сверкала на солнце тихая и довольно широкая река Кострома, в которой на всём её городском протяжении плескались взрослые и дети, а на городской площади приезжего встречала вывеска санатория им. Бородина, за коею угадывалась цивилизация.

Города, как люди, - они нравятся или не нравятся сразу. Как выразился впоследствии Вриосекс со ставшей ему присущей народной образностью, "мне нравятся те бабы, которые мне нравятся". Он как раз имел в виду Солигалич.

Машина торжественно несла Командора и Широкие Массы по улицам. Несметные толпы восторженных солигаличан дефилировали по дощатым, грунтовым, а также асфальтированным тротуарам в честь великого события. Небо сверкало голубизной спрессованной под собственным давлением атмосферы и позолотой солнечного диска. Река радостно журчала витиеватые дифирамбы почётным гостям. На центральной площади города бронзовый Ильич приветливо вздымал руку и даже, кажется, помавал ею вослед.

Кортеж достиг пересечения улиц Свободы и ещё какой-то, менее значительной. Ш.М. совлёк на мостовую рюкзаки. Командор приступили к ритуалу вознаграждения возницы. Они торжественно вскрыли колпачок полиэтиленовой фляги. На донышке неистово бултыхался спирт. Всю дорогу Командор держали флягу в своей деснице,

помавая ею (флягой, разумеется) перед носом машиниста. Тем самым Командор уподобились Александру Македонскому, коий, согласно повествованиям древних писателей, вознёсся на небо, заманивая грифонов, привязанных к корзине, поднятыми над их головами львятами. В данном случае Командор использовали этот способ только лишь для вознесения в Солигалич; нет, однако же, сомнения в том, что будь на то Их воля, Они вознесли бы нас и выше А. Македонского, Спирт, как известно, сам творит чудеса; спирт же в деснице Командора и не на то ещё способен.

Поручив вожделённую дозу, возница исчез. Мы же, ведомые Командором и на ходу озирая окрестности, прошеествовали в направлении городского отеля, замаскированного под двухэтажную деревянную избу.

Неторопливо вступили мы на порог, как то подобает Широкиим Командорским Массам. Каково же было наше удивление, когда молодая, но уже полная женщина из окошка администратора ответствовала нам, что в её распоряжении нет номеров, достойных принять высокую персону Командора и их верные Широкие Массы. В душе мы содрогнулись, ожидая, что сотрудилицу гостиничного аппарата немедля испепелит праведный гнев Командора. Но тщетно мы вслушивались, когда раздастся скорбный глас кареты "Скорой помощи". Командор с присущей Им одним кроткой улыбкой сострадания взирали на ещё существовавшую, но уже побледневшую, давая ей вчувствоваться в происходящее. Более того! Кротчайший из кротких повелели Широкиим Массам удалиться за собой, попутно одним лишь мановением длани своей исправив пружину на отельных дверях! Усомнится ли после этого кто-нибудь в величии Командора?!

Успокоив на улице разбушевавшегося Демагога, который требовал устроить самосуд, погром и суд Линча для зарвавшейся служанки горкоммунхоза, Командор возвратились в гостиницу, где и пробыли около получаса. Они вышли оттуда просветлённые, слегка подлётывающие на ходу (от легкости, с коей несли бремя своё) и имея в руках сокровенное заклинание на отдельный дом со всеми удобствами, исключая переднее. При рассмотрении к дому оказалась приложена хозяйка, которой Командор милостиво разрешили остаться. Дом состоял из лестницы, сеней, чулана, туалета, парадной залы с проживающей в одной (очевидно, по заказу Командора) девицей, огорода, хозяйки, кур и двух кошек, из коих одна была чревата. Оглядев владения, Командор повелели девицу по причине её непригодности отдать Широкиим Массам, буде они пожелают (они не пожелали, вследствие чего девица была возвращена по принадлежности), а стелить в передней, по-солдатски, рядом с Широкиими Массами. Вождь желали быть ближе к нуждам и чаяниям народа, чем заслужили его единодушный вопль "Дозволь плечико лобзнуть!". Однако в скромности своей не дозволили.

КОМАНДОР ТЕБЕ НЕ ТОВАРИЩ, А ВОЖДЬ, УЧИТЕЛЬ И ДРУГ
(ДЕМАГОГ)

Затем Командор повелели провести рекогносцировку местности, а также половой обстановки, сами лично возглавив при этом Широкие Массы.

Ровно в сколько-то часов и сколько-то минут по Гринвичу Командор появились перед простыми массами простых советских горожан.

Кратко, но выразительно обрисовав моральное и физическое состояние армии после злоупотреблений молоком и автостопом, Командор торжественно объявили:

"Считать день баннным!" Как всегда, Они точно угадали настроение Широких Масс, яростно скребших все свои члены вот уже на протяжении двух суток.

По прошествии улицы вступили на знойный асфальт площадей. Стояла тропическая жара. Стояли также деревянные торговые ряды, в один из столбов которых был сиротливо воткнут умильный старинный фонарь. Он не горел, хотя на улице было светло - упущение всё того же горкомхоза. В центре рядов помещались пища телесная и духовная, слева же и справа было заколочено. Насупротив бывший Божий храм служил автобусной кассой - неисповедимы пути Господни! Туда и направили стопы Командор, дабы беседой с аборигенами пополнить свои и без того исчерпывающие географические познания.

Облюбовав двух старцев, один из которых при дальнейшем изучении оказался пьян, а другой - глух, Командор приступили к сбору анамнеза. От счастья общаться с Командором аборигены оробели и стали дружным хором давать противоречивые показания. В то время, как пьяный утверждал, что Николо-Берёзовец не существует вообще, глухой опровергал его, настойчиво тыча грязным перстом на запад, где по рассказам его прадеда чего-то вроде когда-то было. В оживлённую эту беседу включились пожилые аборигенки, и вскоре в воздухе стало густо от указующих перстов, уставленных в разные стороны света, включая области, находившиеся вне пределов родного нашего отечества. Первоначальные же старики, проведя между собой добровольную очную ставку на общественных началах, изменили прежние свои показания и вещали теперь уже единодушно, что в Николо-Берёзовец нужно ехать через Оглоблино.

Командор просветлели ликом и, порешив, что общение с народом состоялось, дали приказ к отходу. Но тут выступил Демагог и обернувшись к Широким Массам своим псевдонародным обличем, произнес на псевдонародном наречии: - А знамо ли вам, братцы, что тое Оглоблино, хучь по святому рас-писанию, хучь по карте, хучь как зенки ни тарашь, а всё выходит не в ту степь, а на Верхний Берёзовец?! Куды нас ведут, братцы?! - И рванув на себе рубаху (зелёную, с Командорского плечика), истошно возопил: - Братцы народ! Очкнись!! Души гадов, довольно попили нашей кровушки!!!

Широкие Массы, одурманенные словами мерзавца, загалдели, заорали, заулюлюкали: - Бей их! К стенке золотопогонников! Сам езжай в Оглоблино! Даёшь Николо-Берёзовец!

Но тут Командор шагнули вперёд и сурово воскликнули: - Неблагодарные! Так вы отвечаете на нашу Командорскую заботу? Так ведёте вы себя перед лицом нашего великого народа в лице аборигенов из автобусной кассы? Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо восплачете и возрыдаете.

Расталкивая Широкие Массы, выскочил вперёд Начфин. Он оттеснил Демагога и заорал: - Опомнися, братцы! Жара нас помutilа, злоба ядовитая попутала! Покаемся, братцы!

И толпа, как один, включая раскаявшегося Демагога, рухнула на колени.

Так железная воля Командора с помощью верного Начфина погасила в зародыше опасный второй мятеж Демагога.

ЛУЧШЕ ДВА РАЗА РОЖАТЬ,
ЧЕМ КОМАНДОРУ ВОЗРАЖАТЬ.
(ГЛАВКУЛЬТ)

По асфальтированной улице вышли мы к центральному Рождественскому собору с музеем Невельского в нём. Напротив - двухэтажная столовая,

- Потом, - твёрдо сказали Командор. Ш.М. понуро отвернул голодные глаза. Даже Демагог, и тот промолчал. Ждала баня.

То и дело справляясь в своей феноменальной памяти, а также у местного населения почище, - где баня? - Командор вывели нас на берег реки, к невзрачному деревянному строению. Из дверей его то и дело выскакивали полуголые мужики, по которым стекали крупные капли нетрудового пота.

-Она! - удовлетворённо возгласили Командор.

В Широких Массах прошло некое шевеление, раздались отдельные жидкие крики "Ура!" и даже один слабый голос, - кажется, Демагога - прокричал: "Да здравствует Командор!"

Сдав в окошечко кассы четырнадцать копеек и все прочие ценности, мы вошли в храм чистоты, сопровождаемые одноглазым жрецом в набедренной повязке и жреческом сером в белых яблоках стерильном хитоне. Святилище было заполнено увечными аборигенами. Стоял густой портяночный дух парной. Задорно звенели шайки. В алтаре сверкали желтизной размочаленные доски купальных лавок. Обнажённый Командор, мерно покачивая детородным органом, объявили ритуал открытым. Скребясь на ходу всеми двадцатью пальцами и подвывая, Ш.М. ринулся в парную, увлекаемый грязным Демагогом. Начфин, весь в потных разводах пыли, но с интеллигентными чертами фигуры, топтался у дверей парной, то с тоской поглядывая на беспечного Ш.М., то преданно и умильно заглядывая в залепленные мыльной пеной вежды Командора. Последний, не разлепляя оных, милостиво кивнули. Начфин радостно всхрипнул и бросился головой вперёд в тяжёлые клубы пара, из которых вскоре послышались его стоны вперемешку с чваканием веника.

Завершив первичное омовение членов, Командор развернули свёрток с грязным бельём в намерении постирать. Но один из увечных аборигенов, возмущённо трясся грыжей, издал укоризненный мат. На крик Грыжи явился жрец и громко возопил. Командор, достирывавшие первый платок, с достоинством свернули остальные вещи. Ш.М. в стороне окатывал себя холодной водой и жеребьячи гоготал.

Одевшись, вышли на травку. Посреди неё стоял буфет. Посредством личного обаяния Командор извлекли из него две бутылки тёплого лимонада. В тени буфета лежала тишина. Легли и Командор. Ш.М., взяв свёрток белья, отправился на поиски стирального места. За углом бани он обнаружил прачечную на общественных началах. Выстирав в лохани общее бельё, Ш.М. застал Командора спящими рядом с разложенными как на выставке личными ценностями, как-то часы, деньги и прочее. На крик Ш.М. Командор открыли глаза и объяснили, что Они отнюдь не спят, а разрабатывают дальнейшую диспозицию. Храпят же Они от удовлетворения собственной чистотой.

Приняв от Ш.М. бельё, Командор лично развесили его по округе и разрешили Ш.М. почивать. Попутно Они сообщили Широким Массам о своих сомнениях касательно Николо-Берёзовца.

Командор высказывались в том плане, что, мол, не похерить ли оный вообще, учитывая затерянность его в костромских лесах. - А может, того Берёзовца и вовсе не было? - задумчиво закончили Командор.

Широкие Массы в целом внимали Командору сочувственно, тогда как Демагог, дотирая руки, озлобленно выкрикивал: - Никаких им послаблений, этим трудягам! Все, как один, за Командором в Берёзовец! Даёшь Ильинскую церковь, и никаких

гвоздей! - Хотя, как известно, насчёт того, якобы деревянные церкви строятся без гвоздей, это явная демагогия. Командор пресекли всех и повелели трубить сбор на потребление калорий.

Пройдя вдоль реки и санаторного пляжа, лишённого, как отметили Командор, каких-либо достопримечательностей с надлежащими формами, вышли в район столовой. Пробило шесть склянок. Ещё несколько было пробито раньше - осколки валялись в парке у входа. Подойдя, взошли в зало.

Принимая калории, Командор рассеянно поглядывали на окрестные столики на предмет оборудования небольшого передвижного гаремчика, однако вокруг обнаруживались одни лишь гомополые особи в процессе мирного распития дешёвого разливного вина. Откушав, Командор вышли в прохладу парка, где уселись на скамейку в окружении преданных учеников. Игнорируя призывные взгляды дефилировавших мимо аборигенок, Командор вступили в оживлённую беседу с Широкиими Массами. Беседа состояла из монолога Командора и междометий Ш.М. Затаив дыхание, вкушали Широкие Массы увлекательный рассказ Командора об Их Командорской жизни. Лесоповалы в Белоруссии, на Костромщине и сибирских землях, легендарные подвиги народных силачей, пьянки и побоища, первые скáчки Командора на автомашине, первые самостоятельные экспедиции в дебрях столицы - рассказ Командора затмил "Одиссею" и "Энеиду", взятые вместе.

Смеркалось. Крупные звёзды высыпали на синем фоне неба. Толпы аборигенок, бросив последние безнадёжные взгляды на Командора, в тоске удалилась в кинотеатр. Увлечённые рассказом, Командор и Широкие Массы медленно шествовали по улицам уютного Солигалича. Пересекли реку Кострому по горбатому и широкому деревянному мосту и вышли в Заречную сторону, к валам древней крепости. Отсюда с необычайной живописностью рисовались на фоне неба, притихших деревьев и городской панорамы чёткие силуэты трёх солигаличских колоколен - изящных, удлинённых в талии, строгих и стройных. Вместе они образовывали три расставленные в пространстве вертикали, стремительно прорезавшие горизонтальный пейзаж деревянного города. Можно было лишь сожалеть, что уничтожена четвёртая вертикаль системы - колокольня Успенского собора в бывшем Кремле. Стоит ли упоминать, что заодно был уничтожен и сам собор? "Опиум, опиум... Сапожищем топаем", - сказал наш Поэт.

Неслышно несла свои воды Кострома. Медленно проплыла под мост лодка с двумя феминами - то солигаличские красавицы, отчаявшись взять Командора осадой с суши, перешли к штурму с воды. Командор посуровели ликом и скомандовали отступление на зимние квартиры. Вриосекс всё пытался задержать Вождя, ссылаясь на недомогание в области сфинктора ануса, в просторечии именуемого геморроем. Стеная и хныча, он плёлся нарочито медленно, тем самым подставляя Командора явно обозначившийся опасности. Но не таковы были Командор! Уверенно вывели Они потрёпанные, но всё же части к дому номер 15 по улице Свободы, где и захлопнули за собой калитку.

В доме всё спало, а также были открыты окна. Хозяйка исчезла согласно диспозиции, оставив в наследство ватное одеяло. Подстелив его под спальники, все легли.

Когда наутро Широкие Массы открыли глаза, Командор уже сидели в окружении хозяйки и благосклонно внимали её стремительному говорку. Тётя Паня Куликова раскрывала настужь душу и семейный альбом: - Ох, милок, вот гляди, сыны были молодяшки, андел мой, тады и я в раю-то жила, при кухне в санатории, андел мой,

тепло, еды сколь хошь... Вася Зотов, зять-от, человек больно хороший, милок, пьёт с большими, с прокурором, говорю ему: "Милиция заберёт-от тебя", - а он: "Заберёт да домой и приведёт, все свои"... А вот гляди ещё фото, андел мой, сын мой самый лучший... Надька, дочка, самая лучшая... Внучка Олечка самая лучшая...

Умывшись из ведра и обмыв Командора, Широкие Массы проследовал за Ними в столовую. По пути был зачтён приказ об окончательном упразднении Николо-Берёзовца. Такова сила Командора! Одной своею волею Они создавали и уничтожали деревни, сёла, и даже небольшие города!

В столовой было старое меню и новая официантка; и то, и другое оказалось приемлемым. Чаевых по-прежнему не брали. Вчерашние феминки торопливо вбегали в зал, заслышав о появлении Командора. За ночь, однако, Их непреклонность только возросла.

Утомлённые пиршеством войска расположились в тени на траве вокруг Рождественского собора. После длительного изучения фрагментов одного Командор соизволили обратиться к Начфину со своими архитектурно-эстетическими соображениями, кои были встречены присутствующими с энтузиазмом. (Краткое изложение этих бесед Командора у храма можно найти в выше упоминавшейся книге доктора искусствоведения Алексея Алексеевича Тиц-Пипиц-Моя радость "По земле древнего Галича", глава последняя). Храм был пёстр и в этой пестроте радостен.

Расположившись затем на крыльце храма, Командор вступили в беседу с проходящим стариком, который в дальнейшем оказался лордом-хранителем музейной печати. Отбеседовав, Командор соблаговолили взойти в музей, где осмотрели обе комнаты, с удовольствием ознакомившись с образцами костромской вышивки и резьбы по дереву, а также с фотографиями предков поэта Брюсова и потомков адмирала Невельского, прославивших солигаличскую землю. Зарвавшийся Демагог в это время улизнул в зал советского периода, где в подписях к картинкам выискивал грамматические ошибки. Как и подобает Демагогу, он произнёс речь перед бесцветной директрисой музея, причём речь его была явным подражанием Командорской и начиналась словами: "Разве так работают?" Командор пришли во гнев и, отодрав Демагога от директрисы, выбросили его за дверь музея.

Посоветовавшись с Широкими Массами, Командор вывели их на берег реки, в тень деревьев, где велели совлечь одежды. По совлечению приступили к водным процедурам, а затем к активному отдыху. Отдых завершился в столовой, где всё было в утреннем виде. Отобедав, снова дефилировали по улицам с познавательными целями, но подходящих не оказалось по-прежнему.

Обогнув кремль, осмотрели дома с резьбой на Заречной стороне и вышли к плотине, где мужчина в шортах удил рыбу в объятиях беременной жены. Рыб, кроме упомянутой, при рассмотрении не оказалось. Дальнейший путь совершали по ориентирам водоразборных колонок, отпивая от каждой. Пройдя город, разведывали местоположение аэродрома на предмет продажи его координат Пентагону. На обратном пути обозревали великолепную резьбу на крайних домах улицы Свободы, поминая Тициных родственников, понеже оный Тиц этих домов на приметил. Согласно показаниям лорда-хранителя упомянутый Т-П-М-р сочинил свою книжечку, пребывая в Солигаличе во главе бригады студентов, обмерявших валившуюся колокольню.

В процессе движения Командор излагали Широким Массам историю выдающихся деятелей ЧК Украины, каковую продолжили в зале ночлежных хором, откуда жилища удалилась за бесперспективностью. Мерно лился рассказ Командора, изредка

прерываемый часовым боем да всхрапыванием Ш.М. да всхлипыванием чувствительного Начфина. Отговорив положенное, Командор дали приказ отходить ко сну, каковой приказ Ш.М. тотчас воплотил в действительность (не переставая, однако, при этом храпеть).

Наступила последняя ночь солигаличской идиллии. В кустах трещали цикады. Вдали, в стороне танцплощадки, умолкла последняя пластинка. С топотом пробежали по улице пьяные парни, хлопая ставнями раскрытых окон. Стояла знойная северная ночь. Близился не менее знойный северный рассвет.

НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ТУРИСТСКОГО ШЛЯХА

Ещё осовелый и опухший от краткости сна Широкие Массы поплескал себя из пригоршни холодной водицей и взвалил на плечи свой верный рюкзак. Огромная котомка Командора уже исчезала в это время в воротах. Как всегда, Командор показывали Широким Массам личный пример. Улицы были пустынные, как в раскопанной Помпее. Город спал, деловито сопя открытыми окнами. Солнце трудолюбиво освещало резьбу на избах в полном соответствии с указаниями Командора. Нацелившись из верного ФЭД'а, Командор запечатлели резьбу и двинулись дальше.

В аэропорту, замаскированном под деревянный домик на травянистом лугу, уже была приготовлена торжественная встреча. Десятки аборигенов сидели и стояли вокруг, выражая бурное желание сопровождать Командора до Вологды. Возникало серьёзное опасение, что из-за наплыва провожантов в аэропорту останутся сами отъезжанты.

Командор величавым жестом пригвоздили к месту засуетившегося Демагога и, оглядев ряды аборигенов, выделили из их среды двух представителей, коим и разрешили себя сопровождать. Остальным Они повелели билетов не выдавать.

По приказу Командора Начфин с болью в сердце вскрыл очередную банку тушёнки. Выкушав оную пополам с Широкой Массой, Командор велели подать с неба самолёт.

Усевшись по рабоче-крестьянски, Командор прикрепили себя к самолёту ремнём, выражая тем самым достохвальную уверенность в лётных качествах отечественной продукции. Оробевший Ш.М. молча последовал примеру Вождя. Демагог трусливо забормотал чего-то вроде "Хлебал я эти ремни!" и "Братцы, опять нас по рукам-ногам вяжут!", но сам в то же время пристёгивался насмерть. Начфин с побледневшим от тушёнки лицом благоговейно взирал на Командора, словно оное взирание заменяло ему аэрон.

Самолёт хлопотливо застучал мотором и побежал по траве. Вскоре трава оказалась деревьями, оставшимися далеко внизу, вместе с неутешными солигаличанками. Пилоты бережно поднимали фанерный лайнер, несший в своём чреве бесценную особу Командора. С полными мужественного достоинства чертами лица Командор подобно Икару заживо возносились к небу. Вкруг Них расположились Широкие Массы. Летописец трудолюбиво скрипел шариковым гусиным пером, минута за минутой запечатлевая труды и подвиги Командора, а Поэт вдохновенно творил стихи, навеянные близостью к небесам и особе Командора. Вот они, эти строки, отмеченные воздушной лёгкостью стиля нашего славного Поэта и присуждённой ему тут же, на лету, Командорской премией:

*Пролетая над Буём,
Я размахивал ногой,
Но пилот сказал: "Постой,
Чем же ты махнёшь потом?"*

И ещё:

*По прибытьи в Вологдú
Бросились искать питанье.
Оказали нам вниманье
Вологжанки в том году.*

Строки Поэта-Лауреата оказались поистине пророческими.

Мотор деловито жужжал, крылья гудели, пассажиры благоговейно взирали на Командора, а Командор - на карту, словно примеряясь, где поместить Вологду. Наконец Они решились и молчаливым движением перста указали облюбванное ими место на берегу реки, вблизи древнего монастыря. Пилоты переглянулись и, не сговариваясь, пошли на снижение. Мелькнули стены и башни монастыря, синяя полоса реки, и вдали возник из небытия созданный Командором областной центр. Земля неслась навстречу торопливо, как девушка на свидание. Ибо она неслась навстречу Командору.

И ТОГДА ЯВИТСЯ ЗНАМЕНИЕ СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО НА НЕБЕСИ... И УЗРЯТ
СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГРЯДУЩА НА ОБЛАЦЕХ НЕБЕСНЫХ С СИЛОЮ И СЛОВОЮ
МНОГОЮ

(МАТФЕЙ, 24:30)

Ласково помахав рукой пилотам и освободившись от ремней, Командор похлопали по обшивке верного летягу и возглавили явление Вождя народам. Как обычно, в аэропорту уже собралась толпа встречающих. После привычного ритуала встречи Командор вывели свою верную дружину на широкие просторы шоссе, ведущего к монастырю.

Навстречу спешила аборигенка. Увидев Командора, она зарделась и остановилась. Голос её прерывался от волнения, когда она предлагала Командору свою скромную лепту любви. Лепта эта состояла в оставлении у неё наших рюкзаков. Догадавшись, что за этим последует, Командор скромно, но решительно согласились.

-Один-ноль! - резюмировали Они, выйдя налегке из апартаментов бывшей девицы.

Вриосекс угодливо осклабился и гоготнул по-жеребьячи. - То ли будет! - проблеял он своим похотливым голосом.

-Наш Командор кого хочет обаяет! - подхватил Демагог. Поэт-лауреат, восторженно закатив глаза, произнёс:

*О, великий Командор!
У тебя большой задор!
Был бы он чуть-чуть поменьше,
Он не так манил бы женщин!*

На что Командор скромно ответствовали: - Мы берём не задором, а задаром.

Летописец торопливо записал блестящий каламбур. Демагог завистливо скрипнул зубами. Ш.М. плёлся в хвосте колонны, снедаемый чёрной половой завистью. Страсти накалялись. Солнце подбавляло жару.

Монастырь встретил неуважительно. Монахи обернулись воинской частью. Ввиду военно-складского характера монастыря экскурсии по развалинам проводились

только с личного разрешения замполита подразделения. Очередная делегация ожидалась в 15.00. Наше обещание прибыть было встречено с полным пониманием.

Покинув окрестности проходной, Командор вывели нас на берег реки. С наслаждением окунулись мы в её прибрежные воды. Командор подали личный пример, обнажившись в кустах для выкручивания своих неглиже. Ш.М. последовал Их примеру, в какой-то момент и был запечатлён Командором на фотоплёнку. На обратном пути Ш.М. бесплодно пытался завязать интимные отношения с лежащей на подстилке одинокой, интеллигентной со спины, девицей. Увы, при поворачивании фасадом вверх девица оказалась бесперспективной.

В тени автобусной стоянки стояли и лежали пассажиры. Их было много. Лица у них были осунувшиеся. Оценив обстановку, Командор мгновенно распорядились подать долгожданный автобус номер 3, какой тотчас возник на дороге, нетерпеливо пофыркивая и роя землю передним колесом. Взойдя на борт, Командор прильнули к стеклу для обозрения города. Срывавшиеся с Их уст замечания были, в основном, рукописного характера. Начфин восхищённо поддакивал Вождю, а Демагог шептал на ухо Ш.М.: - А в монастырь-то Его не пустили, ага! Со мной бы такого не было! - Широкие Массы не слушал, угрюмо отворотясь к окну: неинтеллигентный фасад случайной девицы глубоко ранил его простую, но чуткую душу.

Высадившись в центре, Командор напоили Широкие Массы газированной водой и увлекли его в рейд по гостиницам. Однообразие приёма уже начинало утомлять. Поэтому Командор выбрали в качестве стоянки расположенный на отшибе отель "Спутник": хоть и неказистый, он пленял многочисленностью женской половины населения, явно превосходившей мужскую.

События показали, как мудр были Командор!

День близился к зениту, а время к трём, когда отягощенные сладостными предчувствиями беды, наши части снова достигли Спасо-Прилуцкого монастыря, В окрестностях проходной узрели мы несколько подозрительного вида мужских особей в рваных обоях. На последних малярной кистью был изображён пройденный особями маршрут по Приполярному Уралу и приличествующие этому маршруту лозунги; лица особей изображали восторг от встречи с давно покинутой цивилизацией.

Узнав, что перед ними Командор, особь-глава пожаловался Вождю на капитана-настоятеля монастыря, коий ссылкой на военную бдительность препятствует обозрению вверенных ему развалин. Командор чуть кивнули Главкульту. Отделившись от Ш.М., занятого жадным и беззастенчивым разглядыванием возникшей за спинами приполярных особей личности противоположного пола, Главкульт решительно двинулся к проходной. Здесь он с добродушной наглостью молниеносно атаковал жирного и ленивого капитана-настоятеля, следствием чего была полная деморализация противника. Оружие орды приполярных первопроходцев, замыкаемые гетеролой особью, ворвались через проходную на территорию монастыря.

- Во Командор дают! - льстиво надрывался Демагог, не забывая описывать похотливые круги около особы. Командор и прочие скромно молчали. Тщетно безвестная особа бросала взгляды на сурово-экстатическое лицо Командора; Командор были заняты эстетическим отношением к действительности, и всё человеческое Им было чуждо. Пред Ними высилась деревянная церковь бесподобной красоты: крещатая в плане, с мощными боковыми прирубами и гордо вознесенной главой.

Упомянутая особа, при дальнейшем рассмотрении назвавшаяся НН из московского Спасо-Андроникова монастыря, видя неприступность Командора, повела обходный манёвр, решив проникнуть в Их Командорское расположение посредством сближения с Их Широкими Массами.

КРОМЕ ТОГО, ОНА БЫЛА ХУДОЖНИЦА...

(И.БУНИН, Собр. соч., Т.7, с.45)

С этой целью она улучила момент и провокационно спросила Ш.М.:

- Ах, как вы думаете, какого века эта церковь?

Простодушный Ш.М. уже готов был выразить ей своё рабоче-крестьянское мнение о церквях вообще и о ней в частности, как тут Вриосекс, быстро усекший, что к чему, галантно изогнулся и бархатным голосом пророкотал: - Шестнадцатого тире семнадцатого.

- Ах, я думаю, что семнадцатого тире восемнадцатого, - ответствовала андрониковская затворница, раскрывая при сём книгу, заложенную на соответствующем месте. Каково же было удивление сей специалистки, когда на заложенном месте выяснилась правота Вриосекса?! Где ей было знать, что ответ был им почерпнут из бездонных информационных глубин, втуне лежащих в памяти нашего Главкульта?

Командор, слыша сии слова, неодобрительно поморщились, словно предвидя дальше последствия. Но Вриосекс уже закусил удила, не ведая границ в желании своём обеспечить Командора обещанными передними удовольствиями. Окружив девицу НН своими частями, Вриосекс повёл планомерную осаду, доводя оную до степени готовности.

Меж тем приполярные супермальчики из Ленинграда, ведомые Командором, вздымали небритые лица к сводам и колокольням, бурно выражая восторг по команде нашего Вождя. Чуть в стороне, обернувшись к НН выгодной стороной профиля Вриосекс ворковал архитектурные термины, сладострастно при этом зажмуриваясь. Широкие Массы угрюмо взирал на происходящее, ибо девица по его простым народным представлениям в станок не годилась, будучи лишена изюминки. Поэт терзал седые кудри, тщетно ища вдохновения. Начфин сосредоточенно шевелил губами, подсчитывая, во что обойдется казне гостиничный зуд Командора, и прикидывал, по какой статье провести этот расход. Что касемо Демагога, то он суетился меж всеми, сея недовольство медлительностью Вриосекса, угрюмостью Ш.М. и отрывом Командора от преданных учеников.

Монастырь был построен причудливо и утомительно. Несмотря на это он простоял полтыщи лет, дожидаясь советской власти, чтоб развалиться. Живописные руины с помощью поселившихся в них хозяйственников быстро превратились в окончательные развалины. Среди них были разбросаны запретные для осмотра зоны. Проведя в этих сомнительных удовольствиях около часу, наши сводные отряды в утомлении отошли к проходной, понукаемые отдалёнными воплями настоятеля, выразившего в возвышенном стиле пожелание взорвать наконец к матери все эти церкви, чтобы раз навсегда покончить о туристским наваждением. Однако на подходе к выходу мы были встречены организованной группой туристов во главе с официальным экскурсоводом. Главкульт сманеврировал молниеносно, словно в фехтовании. Экскурсовод не успел опомниться, как уже дал согласие вести и нас по монастырю, будучи уверен, что мы посланы к нему не то музеем, не то

политруком, не то самим господом богом, и что за нас в любом случае уплачена соответствующая сумма. Что было, разумеется, гипнотическим следствием воздействия Главкульта. Побочным результатом одного маневра было полное покорение спасо-андроники черницы. С этого момента, как выяснилось много позже, её душа, а также малоопытное и ещё менее привлекательное тело, всецело были отданы Командору (разумеется и к сожалению, мысленно).

Командор, однако, вскоре покинули нас и устремили державный шаг в сторону рюкзаков, поручив нашим заботам экскурсовода, несшего бессвязную чушь, и девицу НН, выражавшую готовность в смеси с нерешительностью.

Увы, оставленные Командором, мы направили свои усилия в разные стороны, отчего девицу и умыкнули приполярные особи. В нашем распоряжении оказались лишь номер комнаты гостиницы "Спутник", где остановилась НН (вот она, мудрость Командора!), а также ряд туманных авансов.

Узрев нас, потупивших головы в отсутствии умыкнутой, Командор, возлежавший в тени рюкзаков, не пришли в праведный гнев, но милостиво сказали: - Хрен с ней, тут таких стада. - Чем приободрили поникшие души. С новыми силами взвалили мы на себя ношу свою и такой лёгкой она нам показалась, что тут же, походя (от слова "поход") стали завлекать двух несовершеннолетних вологжанок, которые оказались непрочь, но в иных условиях. Назначив им, на всякий случай, свидание на том же участке шоссе в следующем походе, Командор втиснулись в автобус N3 в целях достижения речного вокзала. Диспозиция предполагала торжественное наше отплытие в сторону Кириллова на воскресенье, июля 16 дня, в сопровождении духового оркестра и фейерверков.

Прибывши на речной вокзал, с негодованием отвергли предложение ехать в субботу или понедельник, вследствие чего направились в ресторан. По ту сторону реки бросалась в наши наметанные глаза приходская церковь с изящной суздальской колокольней, по эту - туристский пароход "Яковлев", готовый к отплытию в Кириллов. Командор, болезненно морщась, наблюдали за внезапно засуетившимся Широкиными Массами, который стал почему-то пытаться уплыть именно этим пароходом, бряцая в целях незаконного получения билетов одолженной у Главкульта регалией – нагрудной бляхой, удостоверяющей его многолетний экскурсоводческий стаж на торных туристских тропах России. Наблюдая тщетные, хотя и настойчивые поползновения Ш.М., принимали мы в себя надлежащие нам питательные калории, попутно обольщая подносящих официанток, поскольку процесс этот происходил у нас почти механически и без особого участия с нашей стороны.

ПОКАЖИТЕ МНЕ, КТО ТУТ БЕЗ ГРЕХА, И Я ПЕРВЫЙ БРОШУ В НЕГО КАМЕНЬ.

(КОМАНДОР)

Добив, наконец, последнюю официантку огромной чаевой мздой и не добившись, не взирая на усилия Ш.М., билетов на вожделенный пароход, взвалили затем верные рюкзаки на окрепшие после калорий плечи и отправились в "Спутник".

Демагог же, отстав, вернулся вскоре на рысях, размахивая невесть где добытой второй регалией того же нагрудного вида, каковую немедля преподнес Командору, угодливо извиваясь. Командор приняли дар, поморщившись, и повернулись к извивающемуся презрительной спиной. Засим, в ожидании регистрации, отправились Они в туалет, где попутно изучили местную печать со статьёй вологодского

предисполкома. Узнав из оной, в чём мы сегодня омывали свои члены, вышли Они разгневанно из безуспешного туалета, готовые стереть с лица земли те 19 заводов и одну фабрику, сточные воды которых, вкупе взятые, образуют поток, в народе известный под названием реки Вологды. И уже готовы были Командор прогреметь положенное "Мне отмщение и Аз воздам", как тут на Их пути к отмщению встал наш коренастый, но плотный Начфин, мужественно заявивший, что он категорически не финансирует оных заводов и фабрики справедливое стирание.

КОМАНДОР ОТ БОГА, А НАЧФИН ОТ КОМАНДОРА

(НАЧФИН)

А в отдалении происходила сцена, достойная пера не летописца, но поэта. Девушка НН возникла из дверного проёма и, покачивая станом, подошла к Ш.М., в угрюмом одиночестве сидевшему осторонь. Неопытный Широкие Массы, узрев сияющие призывно глаза НН, едва заметно дрогнул - и это был конец. Выйдя на широкую лирическую стезю, НН почувствовала себя, как рыба в воде, а Ш.М. только и мог что барахтаться в оной и взывать о помощи.

Помощь, как всегда, явилась в облике Командора. Завершив оформление двухместной кельи, обратили Они внимание на рассеянно-отсутствующий вид Ш.М. и, сощурилась, изучили обстановку.

Обстановка была плачевная. НН охмуряла Широкие Массы с помощью архитектурных познаний и личной экзальтации, последний же сидел, как распинаемый, выражением загнанного взгляда обнаруживая свое безнадежное состояние. Хмуро отметив про себя малую жизнестойкость Ш.М. вблизи противоположного пола, Командор сурово прервали общение, водрузив на плечи Ш.М. рюкзак. Ш.М. пролепетал касательно возможности встретиться с НН около полуночи у фонтана или же, за неимением такового в Вологде, у любого другого места, но НН, пригвождённая взглядом Командора, реально оценила шансы и отвергла приглашение под предлогом усталости. Попутно она закинула удочку, пытаясь совратить Ш.М. плыть совместно в понедельник. Нестойкий Ш.М. проглотил приманку и, едва окинув рюкзак, принялся несмело намекать Командору насчет прелестей такового совместного пlying. Демагог, учуявший конфликт, поспешно стал его раздувать, но Командор пресекли всё, включая лирические настроения Ш.М.

- Не трепаться с ними надо, - твёрдо заключили Они свою вдохновенную вечернюю установку, - а пороть. Ежечасно, ежесекундно и в массовом масштабе.

С каковыми словами и приступлено было к процедурам по осуществлению отбоя.

Ночь за окном стояла тихая. Ноги были умыты, лица гладко выбриты, газеты прочтены, чай выпиты, желудки опорожнены, и богатырский храп заполнил, наконец, двухместную опочивальню.

ВОЛОГДА БЕЗ МАСКИ

Второй вологодский день начался весьма банально - с пробуждения, каковое у Командора состоялось по частям.

-День будет жаркий, - сказали Командор после небольшого совещания на высшем уровне, где разрабатывались вопросы погоды, урожая и политики на ближайшие десятилетия. Вриосекс со свойственной ему извращённостью воображения не преминул понять слова Командора превратно.

Обратившись далее к ученикам, Командор огласили диспозицию, согласно коей Ш.М. в наказание за вчерашнее следует сегодня замыкающим. Засим шествие, возглавленное Командором, проследовало на уже раскалённые камни мостовой в направлении автовокзала.

Как легка и необременительна жизнь под началом Командора! Понадобилось посадить самолёт - и Они создали под нами город; понадобилось спать - Они тут же, мановением длани создали гостиницу "Спутник" и двухместный номер в оной, попутно включив в дело рук своих благоустроенный туалет, горячий душ и андрониковскую девицу. Нынче же, дабы не ходить нам далеко, Они повелели вокзалу и автовокзалу расположиться в нашей окрестности столь близко, что не прошло и двух минут, как шествие наше достигло цели.

Предав забвению намеченную накануне очерёдность использования видов транспорта (а)самолёт, б)автостоп, в)прочие), Демагог предложил абонировать междугородный автобус. Мне, Летописцу, силой внутреннего созерцания доступны глубины помыслов микромалых юдоли сей; знаю я и почему так расписывал Демагог красёты передвижения по суше без отрыва от родной почвы и произраставших на ней злаков: не злаки имел в виду сей искуситель, но андроникову девицу, ибо намекнув ей накануне о возможности перелёта в Кириллов, встретил он стыдливый отказ со ссылкой на укачивание. И вот, одержимый мыслью свести Ш.М. с НН, принялся Демагог прельщать Командора, надеясь в случае успеха предложить НН компромисс в виде отказа от самолёта с нашей и от парохода - с её стороны.

Столь же простодушные, сколь и гениальные Командор, выслушав лживые рацеи Демагога, в неизречимой своей милости согласились, произнеся при этом, что-де ездить надо всеми видами транспорта, дабы ни один не был в обиде, что не вёз Их милостивую особу. Демагог же, пристраиваясь в очередь за билетами (которую Командор создали только ради уважения к народным традициям) и попутно заводя скользкий, с ухмылками, разговор с несовершеннолетней уроженкой Кириллова, в душе мерзко ликовал.

Окрест нас простирались сцены из народной жизни. Гудел подобно заводу автовокзал, переполненный очумевшими отъезжающими; изнывали в ожидании городских автобусов потные вологжане; где-то в стороне огромная толпа обозначала место, где имела неосторожность появиться продавщица мороженого; по площади неторопливо фланировали гетерополые особи в одиночестве и парами, а иные даже в брюках. Бдительное око Вриосекса зафиксировало одну из этих пар, наиболее тесно приблизившуюся к Командору, и указало на них Вождю в качестве полуфабриката. Оценив потенциал, Вождь лениво, но отрицательно повели плечиком, вследствие чего Вриосекс замолчал, в душе, однако, скрежеща зубами. Общая сумятица и разброд духа, подогретые солнцем, нарастали.

Издали, протискиваясь сквозь толпу, Демагог прокричал: "Всё в порядке!" и помахал билетами. Вождь одобрительно кивнули Иуде и даже соизволили выразиться насчёт одного деловитости. О, сколь велики были и в простодушии своём наш Вождь, когда Они выражали - перед нашим сомкнутым строем - благодарность Демагогу за идею и воплощение оной!

Вслед за чем проследовали в Центр. В отличие от прочих областных центров Вологда имеет и свой собственный Центр, каковой представляет собой ряд малоинтересных, но каменных домов, окружающих столь же маловыразительную площадь. В указанном Центре помещаются: Дом Связи, гостиница "Северное чего-то", колхозный базар, ряд магазинов и все автобусные остановки. Последнее сделано исключительно из чванства, дабы жители города, куда бы они ни ехали, по два раза минимум на дню могли любоваться Центром своего центра, какового не имеет никакой другой центр.

Сойдя в Центре, неторопливо направились мы в обход этого уникального района. Памятуя галичские огурцы, без воодушевления миновали базар и остановились перед охраняемым государством памятником культа, каковой при сопоставлении с картой в книге оказался старинной церковью. Постояв перед оной приличия ради, свернули за угол - и взорам нашим открылась краса, доселе невиданная и разом исторгшая из наших грудей единодушный вопль одобрения. На небывалою высоту вознёсся гладкий массив серой гигантской плиты, прорезанной широкими спокойно-величавыми лопатками, уходившими туда же, в недосыгаемую высь.

То был южный фасад Вологодской Софии - храма, и по сию пору стоящего перед нашим мысленным взором во всём своём грандиозном величии, не нарушенном пестротой архитектурных излишеств. Завидев оное чудо, Командор побледнели, ибо нечто родственное было в облике храма и Их, Командорском, облике - та же суровая лаконичная простота, достигшая степени величавости.

БОГУ – БОГОВО, А КОМАНДОРУ ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

(ВРИОСЕКС)

Отойдя на середину улицы и презрев все вологодские машины, вместе взятые, Командор навели на Софию безотказный ФЭД и отсалютовали ей тоекратным щелчком спусковой кнопки. Вслед за чем Они объявили восхищение открытым.

Цокая языками и издавая нечленораздельные междометия, обходили мы храм, невольно переводя взгляд с Него на Командора. Вождь же наш, словно не замечая ничего, шествовали отдельно от масс, погружённый в состояние экстаза. Только лишь лицезрение замков во всех без исключения дверях вернуло Их к реальной действительности и заставило нетерпеливо оглянуться на Главкульта. Намёк Вождя был понятен до очевидности. На исправление ошибки Главкульту было дано три часа.

При дальнейшем изучении рядом с храмом была обнаружена превышавшая его высотой, но не строгостью, колокольня с приветливо распахнутым входом. Столь же приветственный лозунг на оном возвещал, что своё радушие вологжане ценят в 30 копеек для взрослых и в 10 для детей и военнослужащих. Главкульт приосанился и, бряцая регалиями, протянул в жадную пасть кассы музейные удостоверения. Топоча ногами, мы проследовали на колокольню. Лестница была в меру крута и вскоре вывела нас на ярус звонов, где между колоколов помещалась девица немолодой внешности, по приметам - экскурсовод. Минуя её возбуждённые взоры, Командор

повели нас ещё выше, на смотровую площадку, откуда открывался вид сверху на купола Софии. Ощупав глазом стремительные линии Софии, а также гулявших по площади туристов, Командор протрубили отход на уровень колоколов. Сжалившись над изнывавшей подколокольной девицей, Вождь внезапно обратились к ней с речью на узко литейные темы, милостиво посвятив её в тайны одного из многочисленных своих кладезей премудрости. Заведя млеющую от счастья под колокол, где туловища обоих скрылись до коленных чашек, Командор, попутно с обласкиванием, изъяснили кратковременной избраннице различие между отечественным литьём в просушенную форму, не оставляющим на поверхности колокола иных следов, окромя сетки трещин от сушки, и литьём немецким в сырую форму, скреплённую гвоздями, каковые гвозди отпечатки своих шляпок аккуратно оставляют на металле.

...ОБРАТИВШИСЬ И УВИДЕВ ЕЁ, СКАЗАЛ: ДЕРЗАЙ, ДЩЕРЬ!.. ЖЕНЩИНА С ТОГО ЧАСА СТАЛА ЗДОРОВА.

(МАТФЕЙ, 9:22)

Писк и кудахтанье девицы, потерявшей голову равно от близости Командора, как и от его познаний, время от времени прерывались деловитыми увещеваниями Вождя и суетливым топотом Демагога, бегавшего окрест колокола с целью и на себя обратить чьё-нибудь женское внимание. Едва дождавшись, когда Командор явились из-под колокола с распаренной девицей, Демагог сломя голову бросился вниз по лестнице, не дожидаясь приказа Вождя. Знал он, что именно по лестнице вздымаются наверх жаждущие гетерополые особи, и подлинно: едва поставив ногу на первые ступени, узрел он приемлемое лицо, возвышавшееся над соблазнительной грудью, обшаривая кою жадным взглядом, похотливо воскликнул: - Ах, мадам, там ещё высоко!

Что он имел в виду, несчастный, и где это у него "там" было высоко, - одному Богу да Командору ведомо. Она же с грудью, не преминув окинуть Иуду оценивающим взором, устремилась молча выше, будто душа её говорила, что там следуют Командор.

Демагог и сам понял, что зарвался, и потому, узрев Командора, нисходящего свыше, бросился к Ним с подобострастным воплем "Кто нам всё это дал?!" Вслед за чем, совершенно уже остервенясь, тут же на лестнице стал требовать от Вождя: "Дай плечико лобзнуть!". И не будь на то брезгливого Командорского телодвижения, ведь и поистине мог запечатлеть иудин свой поцелуй.

Снизойдя по лестнице до уровня простых масс, бродивших на уровне моря и вологодских площадей, Командор проследовали на территорию музея, где обнаружили перерыв. Широкие Массы, шаривший тоскливым взором по той же территории, вообще ничего не обнаружил вопреки давешним обещаниям НН появиться где-нибудь около. Посему он уныло последовал за Командором, каковые с юношеской стремительностью двинулись вдоль берега сточной канавы с заполнившими её вологжанами всех полов и возраста.

Мимо застывшего от жары и безнадежности парка Командор вывели нас на тенистую деревенскую улочку с разомлевшими котами, среди которых возвышалась голубая в белую полосу церковь Варлаама Хутынского с адмиралтейским шпилем на главе. Оценив относительные размеры этого внушительного острия и слегка помрачнев, Командор однако не пали духом, но напротив ещё возвысили оный посредством обливания себя совместно с рубахой водой из колонки. Обсыхая на

деревянных мостках, обозначавших тротуар (а происходило всё это в пресловутом Центре, в считанных кварталах от скопления автобусных остановок), Командор, лениво жмуря вежды, снисходительно выслушали лживую повесть Демагога о детстве, проведенном им на этой улице, о первых драках и первых женщинах, познанных под этим вот забором. Всё лгал оный Иуда: не было у него ни детства здесь, ни драк и женщин; токмо лишь в сладострастных мечтах мнил он срастись с великим народом, возводившим Софию и мостки эти, собравшим воедино автобусные остановки и сточные воды и посредством таковых и подобных подвигов создавшим себе нынешнюю свою счастливую и светлую жизнь. Подобно всем Иудам и наш Демагог, оторвавшийся от Широких Масс, был гнилой интеллигент как внешне, так и внутренне, и не было предела его цинизму, скептицизму и пессимизму.

Солнце бодро взбиралось по невидимой лестнице к зениту, когда, расслабленные сидением на мостках, а затем лежанием на скамейке в парке, подходили мы к музею. Ничто не изменилось за время нашего отсутствия. По-прежнему закрыт был отдел икон, ржавели замки на дверях Софии, исправно звенели гривенники, опускаемые в кассу у входа в колокольню, откуда сверху бледным пятном свисало лицо прикованной к колоколам экскурсоводки, выискивавшей в толпе прохожих мужественные формы Командора. Но не свисало ниоткуда лицо НН, что окончательно повергло Ш.М. в состояние тупого безразличия к окружающим древностям. В указанном состоянии проследовал он за Командором и Главкультом по залам исторической экспозиции, равнодушно разглядывая ископаемые горшки и призывы свершить пятилетку за невыносимо короткое время, а также прочие предметы давнего и недавнего прошлого. Были среди оных и фотографии деятелей революции в посещённом нами краю, к которым вполне приложимы были слова нашего Поэта "Иных уж нет, а те далече" (слова те одолжил он у одного из своих коллег). Но и это не пробуждало погруженный в спячку мозг Ш.М., Демагог же, предвидя себе поживу в состоянии Ш.М., нарочито заслонял его от заботливого взора Командора, надеясь довести Ш.М. до полной апатии, сопряжённой с неподчинением злу насилием. "А там из него хучь верёвки вей," - мечтательно мыслил себе Демагог, в воображении своём уже зревший себя вождем пусть и вялой, но многочисленной оппозиции.

По выходе из музея Вождь глянули на часы и перевели взор на побледневшего Главкульта. Срок, ему отпущенный, явно истекал. Нервно шевеля губами и перебирая пальцами, Главкульт, пошатываясь, отправился к входу в иконы. Но безмерна милость Командора! Они сделали так, чтобы оказалась у того входа хранильница древнерусского отдела, особа низкорослая, чей глаз пришёлся как раз на уровень неоднократно упоминавшихся регалий. Узрев таковые и вняв мольбам Главкульта, потупилась особа и энергично захлопотала. Просеменив через двор на коротких своих ножках, вырвала она для нас бесплатные билеты, вслед за чем самолично ввела в отдел, отперев даже дверь в тайную для непосвященных комнату, где хранилась икона Дионисия. Пол комнаты испещрён был следами, ступать на кои запрещёно нам было столь же строго, как и на самого Дионисия. Командор разъяснили недоумевающему Ш.М., что оные следы оставлены злоумышленником, пытавшимся проникнуть к иконам, минуя надлежащую мзду в окошечко.

Потоптавшись у Дионисия и издав приличествующие месту возгласы, проследовали за мелкой ростом, но общительной особой в основную часть, где лицезрели иконы, изрекая из себя осторожные суждения. В процессе же изречения

краем глаза поглядывали на особу, дабы не впасть в уничижение посредством обнаружения невежества. Так, скользя по краю пропасти и балансируя на канате перед низкорослой, но образованной, были ею проведены сквозь строй икон и зал культовых поделок, после чего она, выдающаяся не ростом, но самоотвержением особа внезапно пригласила нас внутрь Софии. Сами Командор потряслись столь сильным своим воздействием на особу, но в скромности своей списали сие на личный счёт Главкульта.

ВСЯ СИЛА – В КОМАНДОРЕ!

(ВРИОСЕКС)

Замок на Софии оказался камуфляжем, ибо во чреве собора честно зарабатывали хлеб свои молодые, но уже бородатые реставраторы. Покинув нас, предоставила нам, наконец, особа полноту чувств и высказываний, каковой мы и воспользовались в процессе обозревания росписи знаменитого Плеханова. Круглолицые и бородатые апостолы заполняли целиком стены собора. С важным видом пройдя вдоль стен, удалились мы восвояси, назойливо убеждая друг друга в якобы испытываемом восхищении. Противно нам было смотреть на лицемерные обличья друг друга, а пуще всего - на личину Демагога, где лицемерие, смешиваясь с радостью, создавало нестерпимо гнусное выражение.

Под грузом эстетических впечатлений медленно двигались мы по улицам Вологды, когда Командор вдруг остановили нас и впервые за время похода повелели нам разделиться. Ш.М. во излечение от бесплодных дум о неприкосновенной НН направлен был на почтамт для получения письма от верной супруги, тогда как сами Командор проследовали в направлении "Спутника", надеясь по дороге сообразить чего-нибудь вкусить.

Едва отделившись от Командора, Ш.М., вопреки приказу, шмыгнул в ближайший книжный магазин, где, обаяв заимствованными у Главкульта регалиями вполне приемлемую продавщицу, произвёл катастрофическое опустошение на полках, унеся в пасти стихи Самойлова и Вознесенского, а также ряд иных, не менее интересных изданий. С трудом разомкнув жаркие объятия продавщицы, Ш.М. направился к почтамту, где его ожидало разочарование в его немолодой жизни. Почтамт был закрыт по случаю субботы. Отчаявшись получить любовную весточку от верной половины и лицемерно успокаивая себя фарисейскими соображениями, Ш.М. автобусом, где нахально не уплатил за проезд, добрался до родного отеля.

Тем временем Командор, общаясь попутно с народом и условиями его существования, посетили продовольственный магазин, откуда вынесли массу свежих впечатлений, а также острodefицитную свиную колбасу. В совокуплении с купленными ранее на базаре огурцами и плиткой прессованного зелёного чая - подарком грузинских братьев Командора - приобретённый продукт образовал на столе в номере отличный натюрморт в духе Штеренберга. Таковое зрелище и предстало изумлённым и голодным очам Ш.М., представшего изумлённым в свою очередь очам Командора со своим интеллектуальным багажом подмышкой. Узрев Вознесенского, Командор издали энергичный возглас радости. Осчастливленный Ш.М. поторопился скромный свой дар поднести Командору немедля, невзирая на Их бурное, но недолгое сопротивление.

Воссоединение наших разрозненных частей ознаменовано было небольшим чаепитием в сопровождении колбасы, вслед за чем неутомимый Вождь снова вывели

нас на вологодские просторы. Шествуя по оным в рассуждении о времяпрепровождении местных жителей, перешли мост и оказались в совершенно деревенской Заречной стороне, вдоль которой стояли деревья и лежали отдельные купающиеся. Прочие в неопределенных направлениях пересекали холмистые и пыльные окрестности, изредка оглашая тихий вечерний воздух выражениями простонародной радости. Гладь так называемой реки время от времени вспарывали моторки, словно ножницы - податливую ткань. За рекой по центральной улице текла толпа, расходившаяся из цирка шапито, шатёр которого высился под мостом, извергая бодрые духовые звуки лошадиных маршей. В небе темнело, на реке тоже, жизнь в городе сходилась на-нет, редкие прохожие недоумённо оборачивались на звук собственных шагов... Провинция готовилась отойти ко сну, и только вдалеке, в районе танцплощадки, что-то погромыхивало: не то приближавшаяся гроза, не то сведение так называемых дружеских счётов.

Утомлённые видом зареченских храмов, многие из которых были для созерцания мало оборудованы (у одного толстые трубы, подобно системе пищеварения, извиваясь, вползали через окна прямо в древнее чрево, у другого снесен был решительной начальственной дланью весь верх - все они, однако, без исключения носили на себе следы заботы властей предержавших в виде традиционных охранных досок), - утомлённые, но бодрые приближались мы к временному нашему пристанищу. Жадно поглотив всё, купленное Командором, омыв члены и выслушав диспозицию, улеглись спать, невзирая на мятущегося Ш.М. и суетящегося под ногами Демагога, который порывался подорвать авторитет Командора выпадами в адрес охлаждающих свойств зелёного чая и сомнениями в своевременности пробуждения Вождя. Вскоре, однако, мятущиеся и суетящиеся присоединились к молчаливому большинству в их полезном и приятном занятии.

НА ГРАНИ ГРЕХОПАДЕНИЯ

Наступившее воскресное (16 июля) утро можно было бы назвать ласковым, если бы не тот факт, что оно не было таковым. Однообразность каждодневного восхождения светила начинала уже утомлять Командора, которые полагали, что для человечества было бы вполне достаточно Их восхождения.

Нервно подрагивая наполеоновской щекой, Командор подали очередной пример быстрого заметания следов, каковому последовал Ш.М., невзирая на продолжавшуюся протрацию организма. И уже в 6:10 наши части, бодрые, хоть и невыспавшиеся, выстроились перед дальним броском. Командор, сверкая приветственной улыбкой и всеми сохранившимися зубами, прошлись перед строем, проверяя идеологическую, боевую и половую готовность масс. Удовлетворенный результатами как внутреннего, так и наружного осмотра, Вождь произнесли краткую, но вдохновляющую речь, в которой призывали нас смотреть только вперёд, где нас ожидает девственный простор женского одиночного туризма. Трижды прокричав "ура" и проверив содержимое рюкзаков и гультфиков, выступили мы из гостиницы, полные радужных надежд касательно девственного туризма и одиночного простора.

В 6:20 достигли подступов к автовокзалу, где взамен автобуса нам была предложена обильная толпа, густо уснащенная крепкими выражениями. Появление Командора вселило новые надежды в массы отъезжантов, и не зря: не прошло и пяти минут, как автобус был подан. Честность и простодушие вологодских водителей сравниться могли разве лишь с их безалаберностью: билетов не только не проверяли, но даже допустили усаживание в недра автобуса ряда безбилетных пассажиров, в том числе двух туристов мужского пола, выступавших под видом заядлых сердцеедов. Упоминаю о недостойных потому только, что сыграли они некоторую роль в дальнейших событиях, ибо, едва лишь сев в транспорт - напоминаю, незаконно - принялись на глазах у Командора осваивать расположившихся в прямом телесном контакте с Вождём двух малолетних особ туристского вида. Видя сие, праведный гнев обуял Ш.М. вкуче с Демагогом, и лишь подозрительная пассивность Командора смогла сдержать их единодушный порыв негодования. Под предлогом недостаточности места и неблагоустроенности дороги упомянутые наглецы всё теснее прижимались к особам, пользуясь беззащитностью. Тщетно меньшая из особ жалобно улыбалась Командору, соблазняя Их ямочками на щеках и нераспечатанной коробкой сыра "Дружба", тщетно другая наваливалась на Командора якобы посредством ухабов - Вождь оставались бесстрастен и отсутствующ как духом, так и телом, что было особенно загадочно, учитывая Их утренние руководящие указания. Пламенея гневом, Ш.М. встал со своего места и обрёл временное спокойствие духа на подножке четырёхколёсного мустанга. Меж тем обозначилось явное нерасположение особ к трогаящим их за разные места безбилетным насильникам: в ответ на прямое предложение гнусных услуг ямочки ответствовали скромно, но отрицательно, бросив умоляющий взгляд на скачущего вместе с подножкой Ш.М. Не было устойчивости в душе Ш.М., а вдобавок над ухом его свесясь, нашёптывал Демагог, якобы должен он, Ш.М., продемонстрировать своё мужское обаяние немедля и в должной мере. Выступив из протрации, Ш.М. областал томным взглядом ямочки вкуче с прочими частями особы, вложив в оный ряд неисполнимых, но крайне соблазнительных для особы обещаний.

Установив таким образом с ямочками тесную духовную связь, Ш.М. оборотился к Командору, ожидая узреть одобрение в очах. Но такового не узрел, а напротив был отринут от милостей. Скоропалительно впад в уныние, Ш.М. всю остальную часть дороги натужно пытался постигнуть причину Командорской немилости, ничего же не постигнув, унывал тем более.

Автобус, равномерно подпрыгивая и частично разваливаясь на ходу, пробирался среди озёр, лугов и перелесков в старинном городе Кириллову. Сидевшие рядом престарелого вида художники наполняли и без того тесный салон узкопрофессиональными сплетнями о ближних; осовевшие от сырка "Дружба" особы дружно дремали; Командор молчаливо кутались в армячок, презрев рвущийся в щели холодный воздух, а Ш.М. по-прежнему уныло трясся на подножке мустанга, размышляя о превратностях Командорского расположения.

Всеми на свете, однако, приходит конец, в том числе и любой дороге. С опережением плана автобус вкатил на улицы Кириллова, отличавшиеся от вологодских отсутствием Центра. Лихо подняв скакуна на дыбы, шофёр осадил его у самой двери автостанции. Пошатывающиеся пассажиры хлопотливо вывалились на твёрдую почву вперемешку со своими тюками. Особы с "Дружкой" и ямочками, напрасно погарцевав около Командора, неприметно испарились. Безбилетные, не добившись взаимности, описали круг около Командора, который в свою очередь описал круг около туалета. Сложное это движение, напоминавшее птоломеевские эпициклы, было прервано громким падением Ш.М. на траву рядом со своим рюкзаком. Воспользовавшись, Командор перешли из периодического движения в аperiodическое и скрылись за стеной сортира, меж тем как Ш.М., окружённый бесплатными новичками, пичкал их полезными сведениями о возможных маршрутах. Сердце Ш.М., однако, отсутствовало: сердцем Ш.М. был с удалившимися особами, которых он не успел ещё толком рассмотреть. Таинственное их исчезновение поджигало его любопытство.

Сколько трагических ошибок начиналось именно так!

Едва Командор, снова взойдя над народом из кратковременного затмения, сменили Ш.М. на траве, как последний под предлогом бурчания в желудке удалился в окрестности, жадным взором выискивая полосатую футболку несовершеннолетней с ямочками. Вотще однако был его пыл, ибо окромя пиджаков, косовороток и фраков ничего похожего в поле зрения не попадало. В печали и рассеянности влек он свои ноги к Командорскому лежбищу, уже готовый кощунственно обвинить Вождя в пренебрежении особами, каковое и повлекло за собой столь досадное их упущение. Как вдруг, приблизясь к Вождю, узрел Их, сидящими в тени на скамейке - и с кем же?! - с девицей НН, протягивающей при этом непочатую бутылку сливового сока, как бы символизирующую нечто. Столь неприятен был вид внезапно возникшей НН вкупе со сливовым соком сердцу Ш.М., что лишь из вежливости поинтересовался он, откуда НН взялась в Кириллове. На что она, загадочно улыбаясь, объявила, что уехала в субботу парходом. Рассеянно отворотясь от НН, нетерпеливо ждал Ш.М. приказа Вождя на следование по маршруту. Столь невежливое поведение было осуждено Командором и НН, ничего, однако, не сказавшими. И вновь исчезла НН, мы же, ведомые Командором, двинулись наконец к стенам прославленного Кирилло-Белозёрского монастыря.

Стены ошеломляли: белые, гладкие, суровые, они мощно раскинулись на сотни метров, вонзив в небо острия величественных башен.

Из увиденного нами в долгом пути нашем - забегая вперёд, скажу - запало в сердце многое: вид привольно распластавшегося Галича от стен Паисиева монастыря, колокольня и парк в Чухломе, наивный уютный Солигалич, поздняя литургия в Костроме и вечерня в Белозёрске, храм Иоанна Предтечи в Толчковской слободе Ярославля и роскошный Тутаевский храм - всего не перечислишь... Но над всем, подобно куполам Софии Вологодской, возвышаются воспоминания о самой Софии, о стенах Кирилло-Белозёрского монастыря и - чудо духа и мастерства! - Фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре. Прошу всех встать! Шляпы долой перед великим искусством русского народа, созданным греческими мастерами на потребу еврейским интеллигентам!

Можно ли словами описать красоту? Не буду и я, скромный летописец великого Командора, пытаться выстроить из слов геометрически чёткий ритм массивных арок, бегущих вдаль по белой глади стены, как не осмелюсь жалким пером изобразить Богоматерь Дионисия.

Внутри монастыря стояло множество строений, в хаосе коих с трудом могли мы пробраться, не говоря, чтоб разобраться. Ошеломлённые, отвергли мы попытку тотчас всё освоить, и заслушали руководящее мнение Командора, Правильно оценив морально-разложенное состояние Широких Масс, Вождь скомандовали выход на берег озера с дальнейшим погружением в оное, отложив культурные ценности на последующий отрезок времени.

Босоногие и малолетние аборигены, то замахиваясь на нас палками, то вступая в доверительное общение, вывели нас через калитку в монастырской стене прямо на берег. Сиверское озеро лениво плескалось у наших грязных ног. Слева и справа раскинулись дикие массы туристов. В основном они раскинулись слева, справа же возлежали автобусные особы - уже в неглиже, но ещё продолжая вкушать от запасов своих. Завидев особ, Ш.М. невольно вздрогнул и подался вправо, после чего в изнеможении рухнул на траву рядом с обрётёнными внезапно. При этом изображал он из себя этакого вольно раскинувшегося на фоне живописного пейзажа молодого ловеласа, в каковую роль вошёл столь глубоко, что даже стал усиленно понуждать топтавшегося рядом Командора отведать от предложенного ему огурца.

Повременив несколько для приличия, Командор опустили тело своё рядом с особами и приняли огурец. Произошла роковая ошибка: Командор нехотя уступили желанию Ш.М., тогда как последний принял действия Командора за одобрение своих собственных. В результате Ш.М. решительно пошёл - пока ещё мысленно - на сближение с особами, уже прикидывая в уме своём, что кому достанется. Едва покончив с огурцом, Командор решительно встали, вследствие чего вынужден был встать и Ш.М. Но и удаляясь, не переставал он оглядываться и бросать томные взгляды в область нахождения особ. Пройдя вдоль берега и, к огорчению Командора и радости Ш.М., не узрев более подходящих гетерополых, возвратились мы в монастырь, где отыскивали заброшенное строение, использовав его под переодевалку. Вслед за чем появились мы на пляже в ослепительности наших телесных достоинств, облаченных в не менее ослепительные плавки. При этом Командор сурово глядели только вперёд - видимо, в упомянутые Ими девственные дали - тогда как Ш.М. нервно косил в сторону. Не прошло и нескольких минут, как он предложил Командору купаться совместно с особами, на что Командор хмуρο ответствовали: - Не соответствуют, но вообще-то... - И снова неопределённость формулировок и поведения Командора оставили лазейку для Ш.М., жаждавшего конкретных результатов. Увлечши Командора якобы для рекогносцировки, прошёлся он в

направлении особ и даже бросил им несколько ободряющих слов, следствием чего было их мгновенное присоединение к нашему лежбищу.

Резвясь и хихикая, особы внесли себя в воды Сиверского озера, омывавшие уже в это время славные члены Командора. В ходе дальнейшего обсушивания знакомство продолжалось и углублялось без наших усилий. В процессе одевания уже решено было совместно обзирать монастырь, а в процессе обозрения Командор совершили непростительную для Них ошибку: Они пригласили особ к нашему костру, на что особы ответствовали нервным смехом и обещанием подумать.

Главкульт запросто провёл всех нас, включая особ (в дальнейшем именуемых М.А. и М.Л.), в музей, ибо размахивал регалиями. (Оные, замечу, наполовину были липовыми). Настолько уже он обнаглел в этом деле, что изумлённо взиравшей на особ служительнице небрежно бросил: - Эти - с нами...

Что, в некотором роде, отвечало истине.

Музей монастыря достоин всяческого восхваления, в особенности за блестящую свою коллекцию икон, перед которыми даже Командор остановились в задумчивости. Засим Главкульт имел длительную беседу с хранительницей отдела народных предметов, в ходе которой собеседники обменялись мнениями по вопросу о ручном ткачестве.

Изойдя наружу, оторопели: из небытия снова материализовалась НН в обольстительном наряде и обратилась к Ш.М. с малозначащими, но многозначительными словами. Тщетно Командор сверлили Ш.М. правым глазом, левым пригвождая М.А. и М.Л. к месту, - Ш.М., поболтав с НН и узнав от неё о дальнейших её планах, включавших очередное исчезновение с долговязыми новознакомцами в сторону Белозёрска, не проявил по этому поводу никакого беспокойства, а напротив, использовал НН в качестве сторожа для наших вещей на время сопровождения особ по монастырю. Единственной его благодарностью НН было приглашение осмотреть росписи монастырского собора, двери которого, как и в Вологде, отверзлись перед нами по мановению Главкульта. Попутно Демагог, который давно уже потирал от удовольствия ручки, толкнул Главкульта в объятия местной экскурсоводши, формы которой были высоко оценены даже требовательным Командором. Только чрезмерная экзальтированность Главкульта, дорвавшегося до терпеливого слушателя и обрушившего на него всю массу своих непереваренных познаний, помешала более тесному телесному сближению. В целом же Демагог мог торжествовать, ибо бурное течение событий способствовало интриганству.

В процессе обхода деревянной церкви, доставленной из села Бородава во двор монастыря, внезапно узрели мы впереди себя извивающиеся в азиатском сладострастии формы в полосатой тельняшке, посреди которых восседал безвредный паук. Произошло немедля новое брожение, Главкульт заинтересовался фауной северных широт, Вриосекс взыграл грёзами о гареме, Зареме, фонтанах и гандонах, Демагог же подался вперёд вихляющемся корпусом и, пуская обильную слюну, пропел: - Девушка, на вас паук! Снять его или оставить?

Вздрыгнула прекрасная, обернула глаза свои, сияющие всеми тайными прелестями Востока мимо ухмыляющейся рожи Демагога на возвышенный лик Командора. "Да что паук?! Всё, всё снимайте!" - призывал её пламенный взор. И задрожал, задёргался всеми конечностями Ш.М., и неспешно, как бы в трансе, понесли свою длань к брюкам, дабы вовлечь оные напрочь, Командор, как вдруг из-за Вологодской башни монастыря выскочила ревнивая орда в составе М.А. и М.Л.

Демагог, снимая одной рукой упомянутого паучка, другой не замедлил подтолкнуть Вриосекса, который, поняв намёк, нагло осмелился шепнуть Командору: - Заслоняю, бери на абордаж полосатую, обаяй, откалывайся, действуй!

И что всего изумительнее: Командор послушались аки малое дитя! Но справедливости ради скажу, что трудно было устоять в обрушившейся на нас лавине полудоступных девиц, как парных, так и одиночных, которые возникали, по словам Командора, "ежесекундно и в массовом масштабе". В глазах уже мелькало, голову кружило обилие возможностей, оба полушария головных мозгов наших изнывали от множества вариантов: с кем? когда? где? Тщетно Вриосекс пытался трезво соотнести нашу потенцию с численностью теснившихся круг нас инополых особ - он явно не справлялся с обязанностями. О, как нехватало нам мудрого нашего московского секс-наставника! Но он был далеко, он отдыхал, омывая свои загорелые члены тёплыми водами Азовского моря...

НЕ СУЕТИСЬ ПОД КОМАНДОРОМ!

(ВРИОСЕКС)

Да, Демагог торжествовал. Когда бы ещё территорию монастыря охватила лихорадка страстей, каковую - неожиданно даже для самих себя - распалили мы в его стенах буквально в считанные минуты. Достаточно будет сказать, что буквально все до единой находившиеся в радиусе досягаемости девицы, а также формально к ним относящиеся были нами уже вовлечены в сложную сеть запутанных и даже нам не до конца понятных отношений. Несчастливая НН тоскливо охраняла наши вещи, всё ещё надеясь заработать что-либо более весомое, нежели беглые знаки внимания; экскурсоводша томно ожидала очередного захода на её колышущиеся формы; М.А. и М.Л. тащились за нами, выискивая момент, чтобы согласиться ночевать у костра, тогда как Командор, присев у обочины, рисовал радужные перспективы обладательнице ослепительных форм и паука, оказавшейся ташкентской одалиской В.Л. в сопровождении рослой амазонки той же национальности по имени Л.В. Впрочем, ни национальность, ни географические расстояния уже не могли служить и не служили преградой между гейшами и обольстительным Командором.

Такова была ситуация, когда вплотную подступил момент выбора, столь трудный для любого человека вообще, для нас же - в особенности. Силы наши были раздроблены: Командор всё ещё присохли к обочине и гейшам, тогда как Ш.М. метался в треугольнике НН - экскурсовод - М.А. и М.Л. Наконец, раздав несбыточные обещания одним, многообещающе улыбнувшись другим, Ш.М. остался в окружении М.А. и М.Л., коих и повёл в направлении автостанции, откуда намечен был отъезд в сторону Горниц, приближавший нас к намеченному месту ночлега на противоположном берегу озера. Правду говоря, Ш.М. чувствовал себя неловко, оставшись без Командора и его Ценных Указаний, последнее из которых относилось к надоевшим Вождю особам с ямочками и без: - Какого хрена с ними возиться? Ни кожи, ни рожи...

Это Ц.У. было дано Командором буквально на бегу. Мало что поняв из слов Командора, Ш.М. проявил ещё большую беспечность, когда вопросительно повторил фразу Вождя насчёт костра и ночлега. Особы немедля воспользовались долгожданной возможностью. К возвращению Командора всё было кончено: особы уже извлекли свои рюкзаки из Дома Колхозника, уже были куплены (при попустительстве Начфина) на совместные деньги некоторые продукты - и уже

прошествовали мимо Ш.М., любезничавшего с особами, восточные гейши в поисках оторвавшегося от них (в поисках Ш.М.) Командора. Появление Вождя внесло ещё большую сумятицу, ибо выяснилось, что и ташкентские гейши приглашены Ими на костёр, чему оные не только обрадовались, но предложили принести концентраты из своей палатки, где они обретались на турбазе (полпути между монастырём и местом ночлега).

Узрев Ш.М. почти в объятиях особ, Командор побледнели: положение стало критическим. Ш.М. вёл с собой на лежбище двух особ, ни одна из которых не влекла сердце Вождя, тогда как оное обещано было гейшам, намеревавшимся прийти туда же и тогда же. Скрипнув зубами, Командор удалились под сень собственных струй, выйдя оттуда лишь после душераздирающих воплей Ш.М., одной рукой державшего за заднее колесо последний автобус на Горицы, а другой подсаживающего в оный дорогих его сердцу особ. Уже мнилось обезумевшему от страха Ш.М., что Командор решили явочным путём не явиться на ночлег, удалившись на турбазу, как тут - о, как низко он мыслил о Вожде! - Командор прошествовали из уединения с печатью задумчивости на челе. Угодливо поддерживая Вождя за локоток, Ш.М. потерянно лепетал нечто о найденных им утренних безбилетниках, коих, якобы, можно свести с особами, дабы освободить себя на предмет отдачи в полное распоряжение гейшам. Слегка просветлевши, Командор милостиво кивнули несчастному Ш.М., видя его готовность ради Их Командорского удовольствия оторвать от себя ямочки и своими руками уложить их в чужую постель. Но увы, не суждено было осуществиться и этому хитроумному плану: доехав до турбазы, безбилетники выпрыгнули, как ошпаренные. Видно, уж очень они были потрясены оперативностью, с которой мы, по пути в Кириллов пассивные, столь глубоко приручили строптивых особ.

Высадившись на "повертке" и пройдя несколько, мы избрали место на холме, где и разбили лагерь. Вриосекс немедля обнажился и принялся обольщать особ посредством ныряния в озеро. Достиг же нерасчетливый Вриосекс лишь собственного переохлаждения, каковое попытался ликвидировать спиртом внутрь, от чего тут же выбыл из строя напрочь.

Смирившийся с несчастьями Командор разогрели тушёнку и разлили валюту, с помощью которой надеялись довести до кондиции не только сопутствующих особ, но и самого себя. Тщетно, однако, взирали Командор на формы М.Л.. Даже мысленно не удалось ему вдохновить сим созерцанием могучее свое естество. Почуввав неладное, огорченная М.Л. рухнула на спальные, где и стала издавать притворный храп якобы глубокого сна. Командор же перенесли утомлённый и брезгующий взгляд свой на М.А. с ямочками, после чего исключительно из благородства предложили ей пройти в недалекие заросли. Ш.М. остался в одиночестве у костра, что вполне заслужил своим нелепым поведением.

Надо же было, однако, случиться такому, что оставшись наедине с Командором, девица М.А. отвергла Их активные действия, чему Вождь безмерно обрадовались. Объясняю это одним лишь малолетством М.А.

Возвратившись, Вождь облегчённо отошли ко сну рядом с порывисто дышавшей М.Л., тогда как Демагог, подло воспользовавшись состоянием Командора, сгрёб М.А. и увлёл её в те же заросли. Но не настоящего дела для! Увы, все уроки нашего мудрого, но далёкого московского наставника разом вылетели из головы безнадёжного путаника, едва лишь он оказался вплотную с необходимостью. И посему до трёх ночи, съедаемый комарами, позволял он им съедать терпеливо, но уже обречённо ждавшему М.А., сам же распаял её лишь речами да ни к чему не

ведущими прикосновениями. Ощупав под предлогом комаров все части девичьего организма, Демагог так и не решился на приступ, вследствие чего особа возжелала в конце концов хоть поспать немного, чем впустую бдеть под комарами. Улегшись промеж подругой и Ш.М., оказалась разочарованная в тесном соседстве с уязвлённым, но робким своим обольстителем, кой и тут не решился на важнейшее, ограничившись продолжением предыдущего. Поистязав таким манером несчастную, сомкнул наконец свои вежды, меж тем как распалённая продолжала бдеть в недоумении.

СКОЛЬКО МОЖЕТ ЖДАТЬ ЖЕНЩИНА? . .

(И.БАБЕЛЬ, ИЗБРАННОЕ, с. 273)

Утро застало странную картину. Командор храпели, то и дело отмахиваясь от комаров; сердитая М.Л. готовилась убежать в поля, дабы усмирить неуголённую плоть; М.А. уныло взирала в голубое небо, тогда как утомлённый её мучитель впал в старческую дремоту, изредка подрагивая в ней всем телом. Пройдя на грани грехопадения, мы ухитрились сохранить ненужную никому невинность, растратив попутно нужную всем валюту.

БЕГА С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Этот злополучный день изложу вкратце ввиду изнеможения писчих сил.

Восстав поутру, во рту имели перегар и в членах неудовлетворение. От совокупности ломило в затылке, куда припекало светило. Окрестность изнывала от жары, озеро было чашей прохлады.

Опорожнившись и приняв в себя остатки трапезы, отдирали копоть с посуды. Попутно пристал к нам увечный турист, по всей видимости, удравший из клиники Склифасовского. Заикаясь, косноязыча и дёргая ногой, калека вопрошал, не видали ль мы его долговязых друзей, увешанных фотоаппаратами.

- Среди аппаратов висит и девица НН, - поправили убогого Командор, догадавшись, о ком идёт речь. О, пронизательность Вождя! И щедрость Их, с какою Они подали чай пациенту Склифасовского!

Вкусив, сложились; сложившись, двинулись в город. Подходя к турбазе, определилось странное шевеление Командора. Одною половиной тела Они изображали желание избавиться от особ, другой - прильнуть к гейшам. Провели краткое совещание на ходу; приглашены были все присутствующие кроме заинтересованных особ. Командору была выдана индульгенция. На месте, где указывалось количество грехов, оставлено было пустое место - заполнить по совершении. Размахивая индульгенцией, как апостол Павел на фреске Рублёва, Командор скрылись между палаток. Широкие Массы переложил рюкзак М.А. Командора не было. Обсудили окружающую местность. Командора по-прежнему не было. Ш.М. побрился в регистратуре турбазы. По-прежнему. Покинул особ, обрёл Командора в тесном соседстве с гейшами. Получил Ц.У.: вести особ в неизвестном направлении; в любой подходящий момент оторваться от оных в противоположном. Сами Командор нацелились на восхождение с гейшами на вершины блаженства; вершины сии обретались в 4-х камэ от турбазы и именовались горой Маура. Встреча частей назначалась от 13:00 до 14:00 у входа в музей. На сём расстались.

Широкие Массы повёл потрепанные в боях части в сторону учреждений общепита. Впавшие в уныние особы правильно оценили исчезновение Командора и попросились в Дом Колхозника. Блудные дщери были встречены администрацией почти как в Библии. Все принимали в себя дары общепита. Обнаружили расстройство кишок у М.Л. Ш.М. повёл оную в сад монастыря, пожертвовал спальник для излечения. Пользуясь болезненной дремотой, охмурял оставшуюся в одиночестве М.А. - небезуспешно, хотя и на виду у всех, вследствие чего не мог последовать по стопам Командора, то есть взойти на вершины,

В 14:00 Широкие Массы обрёл Командора в условленном месте. Вождь сияли и были впопыхах. На горе Маура Командор провели беседу об архитектуре Кирилло-Белозёрского и Соловецкого монастырей, в результате чего гейши были готовы соответствовать обе, сразу или по очереди, как соблаговолит Мудрейший. Но скрепили сердце своё и прочие члены Командор, спеша к стреноженному особами Широким Массам для снабжения последнего спасительными инструкциями. Гейшам же повелели Командор явиться вечером к костру, где обещали представить им Вриосекса, который-де удовлетворит жаждущих.

Обсудив ситуацию, Командор удалились, приказав нам окончательно похоронить особ М.А. и М.Л. и прибыть на место ночлега не позднее 20:00.

Однако сильно показалась нам по душе тихая, но с изюминкой М.А., общение с которой уже заметно продвинулось. Вопреки указаниям Командора повели курс на расщепление особ и ресинтез с оставшейся половинкой. Натолкнулись на мощное сопротивление М.Л., до глубины уязвлённой пренебрежением Командора несмотря на ее готовность хлестать спирт, жертвуя даже состоянием желудка. Излечившись посредством спальника, М.Л. начала отпускать замечания касательно особы Командора, что мы с негодованием пресекли. Затем в саду появилась гейша В.Л., особенно интересовавшая Командора. Были окончательно сбиты с толку, ибо Командор собирались к оной в палатку. В.Л. окинула особ нехорошим взглядом и криво усмехнулась. Вконец запутанные, стали отделяться от особ, дабы выяснить, что случилось с Командором. С указанной целью отправились на дикий берег якобы для купания. Особы стыдливо удалились. Немедленно попытались прорваться к турбазе, но были пойманы вернувшимися особами, несшими заботливое питание. По причине мучительной воспитанности поддались предложению разделить трапезу. Снова пытались расщепить; бесполезно. Покинули поле боя с душевными потерями, но сохранив боеспособность. Последнее, что видели: опечаленные глаза М.А. в суровом обрамлении мстительной М.Л.

...ВСЕГДА УМЕЙТЕ К ДАМАМ
 ПОДДЕЛАТЬСЯ: ИХ ВЕЧНЫЙ "ОХ" ДА "АХ"
 ВО ВСЕХ ЕГО БЕСЧИСЛЕННЫХ ТОНАХ
 ЛЕЧИТЕ ВСЁ ОДНИМ, ВСЁ ТЕМ ЖЕ САМЫМ.

(И.-В.ГЕТЕ, ФАУСТ, ч.1, сцена 4)

Мчались круг озера, ища глазом полыханье костра - знак присутствия Командора. Не найдя оно, ликовали и скорбели: ликовали, ибо надеялись не опоздать, скорбели из-за неведомости судьбы. Пришед на место, в остолбенении узрели Вождя.

Одиноко восседали Они у догорающего костра. Завидев нас, объяснили нам нашу преступную беспечность и оной последствия. Гейши были, принесли рыбу, подаренную им некими рыбаками с гнусными намерениями. Рыбу ту, очищенную и потрошённую, сложили гейши к ногам Командора и стали ждать прибытия обещанного им Вриосекса и сотворения уха. В процессе ожидания Командор ублаговлял гейш мелкими чудесами. Так создали Они мужика на велосипеде, якобы мимоедущего. Спешенный, развлекал мужик гейш беседой. "Скотина есть?" - спрашивали гейши. "Хм... скотина, - усмехался мужик, - Есть... Жена...". "А дети?" - "Хм... дети... Поросята..." А время шло, валилось на сосны распаренное солнце, запевавали боевые марши первые комары, но Вриосекса все не было и всё более проблематичной становилась уха, ибо и лук, и лавровый лист, и соль, и спирт, и хлеб и прочие продукты находились в рюкзаке Ш.М., а рюкзак вместе с Ш.М. и Демагогом и Вриосексом и прочими - в алчных руках М.А. и М.Л.

Тогда сотворили Командор ещё одно чудо: запыхал костёр, сама собой закипела вода в котелке над огнём, сварилась картошка, очищенная нетерпеливыми руками гейш, а за нею и рыба, и возникла из ничего уха, коею были накормлены и мужик, и гейши, и Командор, и ещё оставлено было для блудящего Ш.М.

После ужина Командор отослал прочь гейш, возжелавших волейбола на турбазе, и мужика. И оставшись одни у тихо горящего костра стали под звуки песен Высоцкого, доносившиеся с противоположного берега, презирать суету мирскую.

Пресытаясь думами, Командор внушили Широкий Массам явиться, что мы и сделали, вынырнув из леса в виде рюкзака на дрожащих от недоедания ногах.

С покаянным воплем "Дай плечико лобзнуть!" прильнули мы к остаткам ухи, милостиво оставленной нам от пиршества Командора с гейшами. Вылакав пересоленную уху, облизали банку, в которой хранилась рыба, и перемалывая зубами рыбы хребты, утвердили себя в мнении, едином с Командорским, что из-за непрерывного бега врозь и с препятствиями потеряли удовольствие общения.

Стали общаться между собой и с природой. Природа соответствовала. Вечер был тих. Рыба ходила кругами. Взяли снасти, бросили крючок. Вместо рыбы появились гейши. Невзирая на вышесказанное, Командор тотчас переметнулись: вскрыли засекреченную тушёнку, щедрой рукой стали швырять валюту в восточные массы. Мы молчали, оккупированные массивной и неинтересной Л.В. От костра доносилось нервное хихиканье Командора. У нас отлегалось от сердца, полагая, что сейчас Командор всего достигнет. Увы! Возвратившись к костру после приличествующего времени, узрели Командора в том же состоянии противостояния. Были удручены, вследствие чего хлопнули пол-банки. Рекламированный Командором, в роли обольстителя выступил Главкульт.

Трепещёт рука моя, слабеющая от трудов непосильных, но ещё более изнемогаю от надобности запечатлеть необъяснимое. Ибо чем объяснить смогу сей промах Командора? Сексуальным напряжением дня? Тягой Вриосекса к фталазолу? Импотенцией Ш.М.? Или бесовским наваждением Демагога?..

А может, не дано мне, грешному, проникать в замыслы Вождя? Не сузу, да не судим буду... Но опишу всё, как было, любовью к Истине укрепляя иссякающее усердие моё.

Главкульт, ошалевший от доверия Командора, понёс околесицу. Опричники, Рублёв, Сабурова, Дионисий, Нерль, Покров, Христос, волхвы - всё посыпалось в отверстые гейшевы уши. Извивы комар завораживали сосновые леса, в которых бродили сексуально озабоченные монахи, разбрасывая там и сям деревянные монастыри; глыбы крепостных стен топорщились по берегам озёр и морей; небо вспарывали щипцы новгородских храмов; ржали кони во владимирском Ополе; Батый и Тохтамыш грели кривые ревматические ноги на пожарищах русских столиц; грызлись князья за престолы и уделы; гремели апостольские речи на вселенских соборах; тонула в Шексне княгиня Ефросинья; Грозный корчил из себя Сталина и с воем рожали русские бабы узкоглазых татарчат...

Гейшам было всё едино, лишь бы на сексуальном подъёме. Главкульт стал в позу над костром, выпучил страшные глаза, блики огня играли на небритых щеках, ветер вздувал седые космы... Кружка с валютой плясала в правой руке Главкульта, левой он привычно хватался за комаров, хотя не чувствовал не только их укусов, но даже и отрезвляющего голоса Командора, которые узрели величайшую ошибку свою. Но теперь ничего нельзя уже было поделать. Гейши самозабвенно уставились в иконообразное и страстное лицо Главкульта. "Верую!!!" - вопили их глаза, начисто отрешённые от всех мирских соблазнов космически возвышенной речью.

СЛУШАЙ, ИЗРАИЛЬ!!!

(НАРОДНОЕ ИНОРОДНОЕ)

Командор несколько смешались, даже начали терять себя, угодливо предлагали гейшам и Главкульту то тушёнку, то спирт, то присесть на удобное поленце. Но

Главкульт не удостаивал взглядом холопствующего Вождя и продолжал нестись сквозь века и страны, увлекая за собой гейш, которые всю свою неизрасходованную восточную пылкость устремили на овладение интеллектуальными ценностями, щедро рассыпаемыми Главкультом. А он распинал себя на Голгофе своих необъятных познаний, и гейши пышными своими волосами отирали кровь на ступнях его.

Командор уныло оглядели это явление Главкульта восточному народу. Гейши потеряли остатки желания. Костёр догорал вместе с последними вспышками потенции Командора. К тому же время брало своё, пошёл третий час ночи, и Командор громко зевнули, заглатывая роты комаров. Главкульт ещё говорил по-прежнему страстно, но руками разводил слипающиеся веки. У гейш сна не было ни в одном глазу, они готовы были отстоять ещё и заутреню, но Командор гипнотической своей властью перенесли их обратно в их палатку на другой берег озера, положили на озеро одеяло тумана, сверху водрузили шпильки и башни Кирилло-Белозёрского монастыря и в неземных этих декорациях затолкали отбивавшегося Главкульта в спальник. Очнувшийся от фталазола Вриосекс потребовал от Командора немедленно определить диспозицию на завтра: кому из женщин фавор, кому - опала.

- Спи уж, спи, геморройщик, - ответствовали Командор и, вздохнув, добавили: - Трудно быть богом!..

После чего легли отдыхать, имея в уме перенести боевые действия в район села Феррапонтово, где на оперативном просторе полагали Они разыграть решающее сражение с искусительницами.

УМИРОТВОРЕНИЕ ПЛОТИ

Сегодня, июля 18 дня, писчая способность моя пришла в полный упадок. Видно, время моё истекает. Много лет прожил я на свете, слабые силы, дарованные мне природой, без остатка употребил на жизнеописание Командора, и се аз отхожу в мир иной. Завещаю вам, други, продолжить дело рук моих и пера моего, стилем простым и бесхитростным прославляя Деяния Командора, да славится Их имя... Мутится разум, слепнут очи... други... прощайте...

Широкие Массы. Загнулся сегодня наш писака. Ну и то сказать, дряхлый был дедок. Говорил я Командору: не бери ты эту рухлядь, не пори хреновину, намаемси... Нет, взял. Ладно, мне всё по-фую, дело твоё. Вчера я глянул, а у него зенки под лоб подкатились. Что, говорю, папаня, слабо? А он жалобно на меня глядит. А чё на меня глядеть? Чай, не икона. А сёдни встаём сраня, а он уже холодный весь. Насилу ему кулак разжал, перо отобрал - казённое ведь имущество. Ну, хрен с им, с дедком. Теперича мне Командор велели писать. А чё там писать-то? Ну, встали, значит. Я, то-ись, встал; Командор дрыхли ишо. Глянул на часики: ё-моё, семь без мелочи! Девки вчерась знак дали - поедут в Ферапонтово восьмичасовым. А Вождь давят - хвост пистолетом. Ё-моё, думаю, с им останешься - девок упустишь, к девкам побежишь - он так потом пропердолит, не отдышишься! Но пофартило мне: Они один глаз, значит, открыли. Пусти, говорю, заради Христа: товар у меня там пропадает! Они губами пожевали, значит, и говорят: пошёл, говорят, куды хошь, только спать не мешай. Ну, я и дал дёру! Рюкзачок насовал, на плечо его, ноги в руки и даёшь!.. Дорога хреновая, всё кругом óзера, а время поджимает. Ах ты, так твою дёрганую, думаю, ведь не успею! На хрена ж только я сандалеты стаптываю? Сидели бы счас с Вождём, - с Командором, значит, - чай бы гоняли, про баб культурно травили... Ну, ладно. Догоняет меня тут мотоцикл. Я к нему: подвези, говорю, браток, во как надо! Земеля душевный попался. Садись, говорит, подвезу. За те же самые, значит. Ну, я ему, конечно, хрен дал. Подумаешь, два кэмэ подвёз. Я и сам бы мог пройти. Ну, он не обиделся, прямо скажу: душевный земля... Да, приезжаю, значит, стою. Около автобуса стою, значит, как член, по стойке смирно, а баб нету. Восемь без мелочи, а их нету - и весь фуй! Ах ты, думаю, в зубы лязганая, на фуя ж я кругом озера пердолил, сандалеты стирал, земелю - душевный, сука, земля! - упрашивал?! Ну, гляжу: пистонят. И прямо ко мне, значит. Ах, мол, извините культурно, мы, мол, чуток проспамши. Ну, думаю, курватура круга, это ты мне говоришь, который в три часа ночи ишо Командорскую стервь развлекал, а в семь, как сука резаная, кругом озера мотался?! Ну ладно, думаю, всё одно моя будешь, никуда не денешься. А Командорскую стервь я в гробу видал, пуцай Они сами её приговаривают. Мне эти нацменки, татарва всякая, узбечки ни к чему, рвёт меня с них, как с перепую. Гад буду, гляну на такую - хана! не стоёт и не стоёт, ну вроде и стоять нечему. То ли дело моя с ямочками - у-у-ух... Ишь ты, села в автобус и ишо чирикает чего-то. Ну, ничего, ты себе чирикай, чирикай, а уж я закукарекаю - моя будешь, никуда не денешься.

Поэт. Нет, в самом деле, очаровательное создание. Такое милое безумство, ах, сэ муа! Позвольте ручку, сударыня! Божественная ручка - беленькая, тоненькая, пальчики - ах, дионисиевская линия. Держу ручку, едем в Ферапонтово. Слегка трясет, трэ жолы, но ничего. Приезжаем. Очаровательное селение. Справа -

коровушка, слева - монастырек на холме. Ах, это и есть Ферापонтова обителька? Скажите, пожалуйста! Очень, оч-чень интересно. Взглянем? Нет? Дамы хотят сначала устроиться на ночлег? Пардон, пардон, мадам! Сопровожу с удовольствием. Ах, какая милая избушка! Здесь остановитесь? Ах, очаровательно, шарман! Теперь в монастырь? Отлично, сэ бенефик! Идем в монастырь. Садик, теремки, всё так мило. Входим в церквушку. Ах, какие очаровательные росписи! Это и есть Дионисий? Что вы говорите! Не может быть! О, сэ магнифик!..

Главкульт. В сопоставлении с Рублёвым Дионисий сначала кажется суше и холоднее. Вместо рублёвской широты, округлости линий, теплоты красок здесь - детальность, кажущаяся сначала мелочностью, бледность, доходящая до анемичности, в общем - непривычно и потому "не то". Первый контакт с Дионисием прошёл почти равнодушно. Покинул храм довольно спокойно, уселся на скамейку в сенях около экскурсоводов, пытаюсь влезть в беседу. Никакой реакции. Клянусь себя, что не надел бляху. Наконец, решаюсь спросить прямо, будет ли экскурсия. Девушка экзальтированного вида, очевидно, именно та, которую рекомендовали мне в Кириллове, отвечает неприязненно: их будет сегодня семнадцать. Можно понять её: семнадцать экскурсий - это не для экскурсовода, а для проститутки. Выхожу растерянный; хорошо хоть московские девочки воспитаны и в извинениях не нуждаются. Но что делать с роковыми страстями Командора?

Вриосекс. Конечно, страсти Командора по моей части, но что я сейчас могу? Шишки, шишки, одна за другой... и колет, и зудит... Ещё молоко это знаменитое вологодское. Командор хлещут ведрами и хоть бы хны, а я после одной кружки штаны не успеваю натягивать. Начфин грозит весь фталазол на меня одного списать. Ох, кажется, опять!.. Командор говорят, что у нас на двоих в среднем нормальный стул. Весёленькая математика... Где же тут туалет? Ох, не добегу... А бабами пусть кто хочет занимается, хоть Демагог, мне-то что? Мне на бюллетень надо. Или инвалидность оформить? Чёртовы брюки никак не расстёгиваются. А, кажется, уже всё равно...

ДОКТОРИЦУ ВЫ МНЕ НЕРОЖАЛЮЮ! ИМЕЛ ВЫ Я И ПЕРЕДНЕЕ И ЗАДНЕЕ
УДОВОЛЬСТВИЕ! . .

(ВРИОСЕКС В ПРИСТУПЕ ГЕМОРРОЯ)

Демагог. Вот дались Командору гейши! Впрочем, это даже пикантно: теловращения между двух огней! Правда, бегать много, но зато эффект каков! Ничего, ничего, сегодня какую-нибудь кашу мы всё-таки сварим!

Бегу на автостанцию. Автобуса ещё нет. Жарко. Интересно, почему я должен стеречь здесь их величество с двумя фаворитками? У них блажь, а мне отдуваться. Ну, ладно, ладно, смеётся тот, кто сначала только хихикает.

Смотрю: идут. На лице Командора блаженно-глупое выражение. Те две тащатся за ним, как овцы на заклание. Собственно фаворитка ещё омерзительнее, чем показалась вчера: грубые интонации, неподвижные глаза, жестокий и блудливый рот. Вторая - в шортах, не ноги - колонны текут вниз к земле; сплошной дорический ордер, как сказал бы доходяга Главкульт. М-да, вкус у Вождя,.. Впрочем, не буду. Пожалуй, я понимаю Ш.М. Хоть хам и дуб изрядный, но сумел, подлец, выбрать.. Ну, что ж, будем вежливы, будем, Ваше Величество, уж вы не беспокойтесь. В

столовую? Пожалуйста, прошу вас... Ах, потом? Командор один будут вкушать? Ещё лучше. Так и знал, что эта ненасытная глотка начнёт свои эстетические упражнения с набивания чрева. Если подсчитать, сколько у нас на него ушло... Боже! Там молоко, тут огурцы, здесь мороженое - прорва! Ну, Вождь ведь, что поделаешь?! Это нам, серым, приходится ремни затягивать, а им всё дозволено. Вечная история! О, как я ненавижу тира... впрочем, молчу, молчу.

В монастырь? Милости прошу, всё приготовлено... Хе-хе, приготовлено, как бы не так. Эти азиатки специально во второй раз приехали сюда, чтоб послушать Главкульта - наш Вождь уж так им расписывали, так расписывали (а сами при этом глазками бегали по округлостям восточным, хе-хе)! А ведь доходяга наш не в форме сегодня, не в форме, и с экскурсоводшей у него ничего не вышло. Ну, будет потеха! Азиатки топчутся по храму, Главкульт мечется от Командора к ним, от них - к экскурсоводу, экскурсии прут одна за другой; ага, а вот и москвички появились, сейчас наш трудяга к ним кинется, а эти... ой, не могу, умора, ну, так и есть: заметили, засеки азиатскими своими гляделками наших беленьких девочек! Ага, помрачнели ваши восточные морды! И Командор лично скисли. Прелестно, прэ-лэ-стно!! Вот и Ш.М. смывается. Чего он там лепечет Командору? Ага, купаться... Ну-ну, сходи, сходи, милый, благо в музее всё равно обед. Знаем мы твоё купание, небось за москвичками сейчас побежишь! А этот-то, Вождь наш, уши-то как развесил, у, тетеря! Грёб бы свою азиатку и вёл на озеро! Нет, трётся около, ручки так и трясутся от вожделения, а тронуть не решается. Вот они, Вожди наши... впрочем, молчу, молчу...

КТО МАЛО И ЛЕНИВО У ТОГО РАНО НАЧИНАЕТСЯ IMPOTENTIA. ЭТО Я ВАМ НА ОСНОВАНИИ НАУКИ ГОВОРЮ.

(А.П.ЧЕХОВ. СОБР. СОЧ., т.II, с. 187)

Широкие Массы. Невтерпёж мне стало до коликов: музей энтот, фузей, бабы восточные, Командор совсем охмурели, на меня зырит - мол, делай! А чё на меня зырить, чай, не икона! Чё я тебе сделаю? Сам связался, сам и раздевай. Может, хошь, чтоб я тую здоровую в кусты оттягал - так и говори прямо, чё намекаешь?! Только не стану я её тягать, ишо грыжу с ей надорвёшь, у ей кулаки-то что твои кувалды. Уж я лучше сбегу от вас всех, в пуп резаных, потопаю-ка я лучше на озеро, порточки стирану, покемарю чуток. Остоебенели вы мне все, не, правду говорю, с места не сойти.

Покемарил - вó, полéгшало. Теперича и в музей и куды хошь можно... А лучше всего - счас бы с Командором на двоих сообразить... Нет же, надо? Стервей этих приволокло на нашу голову. А у меня там товар пропадает! Такие девки душевные - ну, горит душа... О, лажа какая! Пока я кемарил, музей уже того, закрыли музейчик! Чё теперь? Командор велют в столовку топать с этими, значит, с азиатками. Ну, прусь, веду их, как вохра швивая, а у самого зла не хватает. Ведь обожрут они нас, как пить дать обожрут. Вчера банку тушонки вылакали, спирту тоже, сегодня опять. Господи, да кончай ты хреновину пороть, Командор! Не слышит... Ну, смехá сплошные, анекдот куриный. Ладно, я куплю обед, я не жадный. Это Начфин кажную копейку считает, то-то ряжку отъел, в три дня не обсеришь: всё из наших копеечек, из трудовых! Ничё, я ишо с им сквитаюсь, не я буду - откинешь ножки. Вот стервы татарские, ведь ни копейки не отдали за жратву. Ах, суки, в локоть мазанные! А Командор-то, Вождь наш то-ись, ты глянь, вó даёт: провожает их по дороге! Ну, это ж

надо! Доведётся и мне, значит, с рюкзаком на горбу за этими немывыми ишачить. Ах, суки кобылиные! И далеко это он задумал переть? Может, в Кириллов обратно? Хрена, меня на понт не возьмешь, сейчас прикинусь припадочным, тут останусь...

МЫ НЕ МОЖЕМ ЖДАТЬ МИЛОСТЫНИ ОТ НАЧФИНА, ВЗЯТЬ ЕЁ У НЕГО – ВОТ НАША ЗАДАЧА

(ДЕМАГОГ)

Начфин. Клянусь здоровьем, эти чудовищные траты нас погубят! Командор, которых я бесконечно уважаю, иногда всё-таки ведут себя слегка, я бы сказал, по-гусарски. Ну, спрашивается, зачем кормить этих женщин за наш счёт? Уже ж слепому видно, что с них ничего не выгорит. Я, конечно, глубоко уважаю вкус Командора, но лично я не стал бы провожать эту мадам. Таких девочек у нас на Привозе больше, чем бычков в выходной - я-таки давно уже не видел бычков на Привозе! Спрашивается, что, Командор не могут посадить дам на попутную машину? Ха, чтобы наш Командор чего-то не могли! Это же смех! Нет, клянусь здоровьем, Им надо шагать по этой пыли и ещё с ними разговаривать... И Главкульта туда же несёт. Это же ж трепач с трепачей, чтоб я так жил!

Главкульт. Мда, трудно. Ну, положим, Командор - это понятно: здоровое влечение древней и уставшей расы к молодой и дикой азиатской крови. Но что я тут делаю, собственно говоря? Сначала я вынужден вести совершенно неинтересные мне разговоры с ещё менее интересной мне женщиной - о фантастике ей, видите ли, захотелось поговорить... Пожалуйста, у нас очень добрый Командор: хотите о фантастике - Они достанут вам из своего кармана настоящего, без обмана, фантаста. Теперь вторая гражданка - боже, какие ноги, это же эрмитажные колонны! - она, видите ли, жаждет общаться на морально-этические темы, и что же? Конечно, Командор тут же вынимают из кармана... да, да, снова меня, и я снова вынужден размахивать языком, обжигая его о раскалённый воздух и царапая о потрескавшиеся губы. Во имя чего? Хоть бы Командору был какой-нибудь прок - ну, увели бы Они, что ли, свою пассивность в кусты и вкусили бы наконец от прелестей Востока - так нет ведь! О, Господи, кто-то тут кончится: или я, или это бесплодное сопровождение.

Широкие Массы. Видать, слабó стало Командору! Посмурнели Они чего-то, к чучмечкам больше стали боком оборачиваться, а мне глазом маячат: мол, рвём когти! Я Их влёт понимаю, Командора, значит, - чуть Они на mine глянут, а у mine уж - раз! пжалста! всё готово. Ну, и Они, вижу, очумели совсем, - энтот-то наш, длинноволосый, охмуряет которая с ляжками, как у коровы, - ну, смех один: сам глиста, а у ей важная ляжка, как у mine рюкзак... А он так вокруг и вьётся, так и мечется. Ух ты, бедолага ты наша золотушная! И чего это Командор всяких глистов в поход набрали? Говорил же я Им - намаемси... Да... Вот, значит, Командор мигают: мол, рвём когти. Лады, думаю, и с понтом загибаю: мол, жарко, и чего, дескать, прёмся хрен его знает куды, а не лучше ли свернуть - вроде справа турбаза есть. А они, мол, могут, если желают, с нами пойти - это я опять же для понта: куды им с нами иттить, когда им завтра сраня уезжать с Кириллова? Ну, тут чучмечки промеж себя залопотали и говорят: спасибо, мол, так и так, мы теперь сами допрёмся до Кириллова. А чё не допереться-то, ишь, ляжки какие отрастила сволота туземная! И всё, чай, на нашем хлебушке, на русском! Всех мы, понимаешь, кормим, только для

себя, глядь, жрать нехватает. Я бы этих всех чучмеков, жидов там, арабов всяких - я б их порезал, ну, ей-богу, порезал бы! Да... И потопали эти толстомясые-то, их! - как потопали по пылище! Только гляжу: Командор вроде мешком стукнутые. Не иначе, как не успели Они свою чучмечку трахнуть. Эх, Главкульт, гнида ты, в рот пачканая, куды ж ты, сука, смотрел, девку не мог приговорить, заслон Командору поставить, падла ты длинноволосая! Ух, гад, тебя бы в зону к нам, в барак, ух, пописал бы я тебя - боюсь, Командор выгребет, не в духе, чай... Надо бы с Демагогом потолковать, у его котелок варит...

Демагог. Великолепно, великолепно! Дамы, с позволения сказать, удалились не солоно хлебавши; Командор злятся-с, за версту видно, Ш.М. с улыбкой кретина на тупой морде преданными глазами пожирает Вождя, а толстыми губами пожирает ещё что-то из рюкзака - печенье, очевидно, НЗ... Отлично, надо шепнуть Начфину. А Главкульт, а Главкульт-то совсем осовел от собственной болтовни, умора! Так, Командор ведут нас в палаточный лагерь - что ж, посмотрим, посмотрим. Так я и знал - переться в такую гору... Ну-с, а тут что? М-да, малопривлекательное скопище, надо сказать. И выражаются довольно хамовито. Ну, ясно, Командор непременно хотят здесь ночевать - ещё бы, плебейскую закваску не вытравишь... Тянет нашего сиятельного Вождя в гущу масс, непреодолимо тянет... Хм, а не шепнуть ли дурню Ш.М., чтобы он под предлогом отсутствия рюкзака смотался к своим особам? Идея! Опять они разбегутся, как тараканы,- потеряются, искать будут, перегрызутся - прекрасно!..

Широкие Массы. Гад буду, башковитый Демагог наш! Я б сам не допёр, ей-бо! Уже хотел Командора просить, чтоб нам к тем бабам ночевать подвалиться: мол, комары здесь, ё-моё и прочее, а там опять же законно можно молочко хлебнуть и девок тоже - душевные тёлки, одна так и сохнет по Командору нашему, прямо хучь счас ляжет, только Они мигнут... Ну, может ишо сладится, сбегаю к ним вроде за рюкзаком, гляну чё к чему. Всё едино, я их достигну, не я буду...

ЛЮБОВНОЕ ИССТУПЛЕНИЕ ВСЕХ ИССТУПЛЕНИЙ ЛУЧШЕ

(ПЛАТОН. ИЗБРАННЫЕ ДИАЛОГИ, с.235)

ЧУДЕСА В ФЕРАПОНТОВЕ

В самый момент, когда душа моя готовилась отлететь к Господу, в сей естественный для природы порядок событий соизволили вмешаться Командор. Видя, в какой хаос превращается летопись наша за кончиною Летописца, повелели Они душе моей вернуться в положенную ей телесную оболочку. По совершении же воскресенья Командор разрешили мне продолжать описание Их славного жития, заметив при сём, что крупные мазки лучше идут к Их скромной, но величественной персоне, нежели то дотошное бытописание, коим я допрежь увлекался.

Очнувшись по воскресении, узрели мы нас в виду простирающегося озера, очерченного мягкой линией холмов, среди которых один холм возвышался особо, и именно на оном устроен был Ферапонтов монастырь, заслонённый, впрочем купой деревьев. Позади нас шелестели сосны, среди них же - туристы, столь неуважительно встретившие наше появление. Широкие Массы исчез в направлении деревни, откуда более не возникал. Как выяснилось впоследствии, он провел прекрасные два часа в обществе вождельной, но недоступной по обстоятельствам особы, приобретя помимо ломоты в чреслах лишь две бутылки молока. К чести его, однако, скажу, что оные бутылки с присовокуплением на всякий случай обеих особ не потребил сам, а повлек к Командору. Впрочем, быть может, потребление то просто было ему не под силу, в чём особой заслуги нет.

Разрозненные части наши встретились на полпути от деревни к турбазе, иными словами, на околице. Поглотив скромное подношение и обретя прежнюю высоту духа, Командор обозрели окрестность и, согласно путеводителю, обнаружили среди леса деревянную церковь, подтверждённую также личным опросом аборигенов. Мысленно проложив маршрут, Вождь повели небольшой, но сплочённый взаимным вожделением отряд в глубины чащи, ступая впереди подобно Сусанину, однако в отсутствии болот. В полном соответствии с замыслом Командора дорога вывела нас к церкви, оказавшейся, вопреки потребности, обшитой в тёс по всем параметрам, не считая разрушенных временем и властной рукой колхозного строительства. Обозрели доски и кладбище местного значения, изобилующее крестами резными, кованными и прочими. Вспять дефилировали в том же порядке, не считая возрастающего отчуждения между полов по причине обозначившегося отсутствия перспектив. Расстались на околице со взаимностью в расчёте на следующий день. Командор облегчённо вздохнули, утрачивая прежний суровый облик, и мягко, потечески, изложили Широким Массам одного последнего сходство с подрывным элементом в вопросах межполовых и межнациональных отношений. Ш.М. бил себя в грудь и разносил звуки покаяния в радиусе двух километров. Объяснив Ш.М. различие промеж особ ташкентского и московского происхождения, Вождь заключили яркую речь руководящим обобщением касательно места для всех вообще особ противоположного пола.

Шествуя в процессе описываемого вдоль озера в сторону ночлега, узрели внезапно идущих навстречу двух гомополых с девицей НН, облеченной в нечто неразличимое в сумерках. По причинам, психологически загадочным и парадоксальным, Ш.М., только что вождельвший М.А., внезапно совершил духовный поворот на 180° и принялся галантно растекаться около НН. Нагло присвоив себе ипостась Главкульта, Ш.М. с навьюченным на него рюкзаком и согбенный под тяжестью последнего влёкся тем не менее за НН, подобно мухе, прилипшей к

клейкой бумаге. Командор же, палимый мстительным гневом на особ М.А. и М.Л., одобрительно взирали на действия Ш.М. Для создания максимального интима подчинённым Вождь даже пожертвовали собой, отвлекая на себя огонь спутников девицы, в каковом состоянии все мы дважды прошествовали туда и вспять, оказавшись в итоге на исходном месте. Где и расстались. Неведомо, о чём распинался Ш.М. перед НН, поскольку всё, совершавшееся промеж них, покрыто мраком неизвестности; надо, однако же, полагать, что до последнего у них не дошло, поскольку препятствовали дорожные обстоятельства и Командор наверняка бы заметили.

К вечеру, а точнее, к ночи, оказались мы на берегу озера, в небольшом уютном уступчике в лесу, где и раскинули спальники. Будучи предупреждены о возможности ос, приготовили холодное оружие, после чего отошли ко сну. Во втором часу ночи, однако, были пробуждены редкими ударами капель дождя по спальникам, каковые принялись сквозь сон накрывать плёнкой. Единственный результат состоял в немедленном прекращении дождя и появлении взамен девицы НН на обратном пути с одним из спутников. Суматошная эта девица, материализовавшаяся невзирая на время и обстоятельства, положительно поставила себе целью преследовать нас повсюду, В связи с этим мы мужественно игнорировали настырную; лишь по удалении её во мрак ночи вкупе с долговязым её фотографом, знатоком Севера, Командор кратко проронили: "Фотографировать повёл. О-натюрель," что было встречено пошлым гоготанием Ш.М. В душе его, однако, что-то грызло и уедало. Должно быть, и в нём проснулась поздняя страсть к фотографическому искусству.

Дальнейший отрезок ночи проходил без дождя, без материализации духов и прочего спиритизма, и завершился, как положено, рассветом. Омывшись в прозрачных струях безымянного озера и изобразив плавание в оных, прошли к монастырю, по дороге заглянув к московским особам в их деревянную хату. Вместо особ на столе нашли бутылку молока, кою Командор тут же и выжрала. Начфин со вздохом положил под опустошённую ёмкость оторванный с мясом двугривенный, Поэт воткнул в ту же ёмкость многозначительную ромашку. Опосля обрели особ в монастыре. Главкульт обаял экскурсоводшу и добился от неё многого, включая обещание подробной лекции по росписям. Будучи глуп, уплатил за лекцию вместо бряцания регалиями, чем тут же воспользовались толпы просочившихся бесплатно.

По окончании первого незабываемого рассказа об акафисте ощутили себя в железных тисках гениального Дионисия и возжелали ещё. Выйдя для проветривания, Командор, не в силах мириться с преступной тратой казённых средств, стали со шляпой собирать с просочившихся на реставрацию фресок. Надо заметить, что впоследствии Начфином была в собранных обнаружена недостача. Потрясённый до тихого помешательства, Начфин с того памятного дня обрёл манию на каждом привале и даже на промежуточных остановках (например, автобуса) пересчитывать наличные средства, включая копейки, каждый раз при этом обнаруживая недостачу, каковую тщательно регистрировал. Кто знает, чем бы это кончилось, не окончись раньше само наше путешествие.

ЦВЕТНОЙ ТУМАН НИСХОДИТ ПОСТЕПЕННО
И НАРАСТАЕТ СОЧНЫХ КРАСОК ПЕНЬЕ

(Э.МЕЖЕЛАЙТИС. ПОДРАЖАНИЕ ПОЭТУ)

В процессе вторичного посещения фресок углубились в Дионисия до умопомрачения. Поражённый Главкульт лепетал о нежности и лиричности ферапонтовской росписи, о торжестве линии над низким реализмом, о таинственной улыбке Богоматери, то скорбной, то светлой, в зависимости от ракурса, об изяществе почти невесомых фигур и мощной музыке композиции. Командор также пускали слюну умиления, углубляясь в почти киношную динамику Вселенских соборов и суровую грацию митрополита Петра на фреске юго-восточного столба. В сбивчивых словах Главкульта изредка просверкивали мысли, достойные спутника Командора. Так выдвинул он гипотезу о том, что "писци Деонисие иконник со своими чады" пытались на фресках смотреть на мир глазами не человеческими, а Божьими: отсюда всё то, что непривычно земному глазу, отрешённость от реалий, изображение не плотских фигур, а души, и следовательно, не три измерения, а два; отсюда и возможность Марии одновременно скорбеть и радоваться. Командор благосклонно принял идею Главкульта, что свидетельствует об Их доброте как к Главкульту, так и к Дионисию.

МЕСЯЧНЫЙ БЮДЖЕТ ФЕРАПОНТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

ДОХОДЫ:

ОТ ПЛАНОВЫХ ЭКСКУРСИЙ 300 РУБ.

ОТ ОДИНОЧНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ 40 РУБ.

ИТОГО 340 РУБ.

РАСХОДЫ:

3 ЭКСКУРСОВОДА 240 РУБ.

СТОРОЖ, ОН ЖЕ КАССИР 80 РУБ.

ИТОГО 320 РУБ.

ПРЕВЫШЕНИЕ ДОХОДОВ НАД РАСХОДАМИ (ПРИБЫЛЬ)

20 (ДВАДЦАТЬ) РУБЛЕЙ 00 КОП.

(НАЧФИН. СПРАВКА О РЕНТАБЕЛЬНОСТИ РАБОТЫ ДИОНИСИЯ)

Прямым следствием восторга от фресок только и объяснима наша полная бесстрашность при очередной материализации НН прямо во дворе монастыря. Выдав душевное смятение чувств при виде облепивших нас московских особ, НН даже не попыталась изменить течение судьбы, ссылаясь на обильный насморк. Тем не менее, уже почти влекомая знатоком Севера на очередной фото-сеанс, успела навязать Ш.М. (надо полагать, для Командора) номер своего телефона, который он тут же - вследствие волнения - потерял. Командор же, узнав о поступке НН, впали в ораторский зуд и в немногих, но сильных выражениях сопоставили НН и облипших особ не в пользу последних. Надо заметить, что в анализе ошибок прошлого Командор как бы обрели себя и черпали неустанное вдохновение, пристально исследуя каждый факт и указывая Ш.М. на допущенные им в этом факте преступные промахи. Времяпровождение сие называлось у Вождя "извлечением уроков", главный из которых сформулирован, был Ими в краткой, но исчерпывающей фразе: "Был бы здесь Наставник, мы бы отоварились".

Солнце утомлённо катилось с горки к горизонту, когда Командор вывели нас из дверей столовой и решительно отряхнули прах Ферапонтова с наших ног. Особы устало, но уже безнадежно сопровождали нас к рюкзакам и далее, к месту охоты на мустангов. Их отчаяние оправдалось, ибо Командор вскоре создали надлежащую

машину. И вот уже позади Ферапонтово и озеро, и безутешные особи, и гениальный Дионисий, и все невоплотившиеся перспективы.

Добравшись до Кириллова и оказавшись в тиши полей при полном отсутствии всяких гетерополых, мы вдруг испытали величайшее облегчение, какое, вероятно, испытывает владелец гарема, когда отделяется, наконец, от всех своих многочисленных жён. С радостью взошли мы на пригорок со следами былых вакханалий, неторопливо возожгли кострище и вскоре уже пожирали пищу хищными зубами, оглашая окрестности молодым смехом по поводу пережитых суетливых дней. Легко и спокойно отошли мы ко сну, игнорируя комаров и при полном отсутствии сексуальных мотивов.

ТЫ ЛУЧШЕ БУДЬ ОДИН, ЧЕМ ВМЕСТЕ С КЕМ ПОПАЛО
(ПОЭТ. ПЕРЕВОДЫ С ПЕРСИДСКОГО)

Подытоживая прошедшие сутки, могу заметить, что, несомненно, только чудотворному вмешательству Командора обязаны мы тем, что вместо окончательной катастрофы прожили в Ферапонтове, фактически, день чудес - начиная с воскрешения моего и вплоть до обретения Дионисия. Сомневаюсь даже, был ли бы Дионисий, не будь на то воли Командора.

БЫСТРАЯ ЧЕРЕДА СОБЫТИЙ

Вложив так много сил в пребывание своё на берегах вологодских озёр, мы ощутили затем нечто вроде душевного истощения. В этом состоянии и продолжалось наше путешествие, что способствовало снижению тонуса и преобладанию отдельных вспышек здорового юмора над непрерывным подъёмом духа, каковой мы испытывали ранее.

Утро следующего дня было солнечным и тихим. Не хотелось покидать Сиверское озеро, но надо было. Автобус подвёз нас в Горицы. В ожидании крылатого (под водой) корабля "Метеор" на Белозёрск обошли двор бывшего монастыря, ныне богадельни, в процессе чего Вриосекс делал Командору гнусные предложения относительно инвалидов. Затем с большим успехом обозревали пассажирок туристского парохода, но чисто эстетически. Тем временем "Метеор" в течение часа доставил нас в древний Белозёрск, расположенный на берегу одноимённого озера. Бросив рюкзаки во дворе ближайшего дома, оглядели деревянную Ильинскую церковь, вокруг коей располагалась подозрительная в бешенстве собака. Избегая последней, отправились обедать. Переваривая, дошли до бывшего кремля, по валам которого двигались под палящим солнцем до изнеможения Ш.М., упавшего в конце концов в тень дерева с разрешения Командора. Исследовав остальную часть поселения, Командор вывели Широкие Массы в городской парк, где имели встречу с местной дурочкой, настаивавшей отдаться Вождю прямо на досках. С трудом отвергнутая, провожала нас душераздирающими домогательствами до самой ограды.

Улицы были пустынные, не считая пьяных. Последних наблюдали в процессе погружения в моторную лодку на канале. Иные погружались непосредственно в канал в полном облачении и при часах, объявляя при этом равнодушно: "А я тону..." В промежутке посетили лучший из городских храмов, где отстояли вечерню. Испытав все удовольствия, исключая переднее, возвратились на речной вокзал вкупе с рюкзаками, там Командор спали, борясь с комарами, а Демагог суетился в виде бдения якобы не прозевать пароход. Что было явной ложью, ибо зевал он даже и на пароходе.

Взамен расписания пароход "Короленко" возник из ночи на час раньше - и то лишь после радиоуговоров пристать к берегу. Приста́в, бросил трап вкупе с толпой исходящих, на борт же принял лишь нас да некое семейство, после чего отчалил, опять же не дожидаясь расписания. Разбудив сонную кассиршу, обрели билеты в каюту третьего класса, стоимостью очень мало каждый, после чего обрели самое каюту и сон в онай.

Наутро в ресторане парохода Вриосекс по привычке охмурял официантку, но ввиду обстоятельств опять вотще, тем более что продолжал страдать поносом, а через него - геморроем. Командор общались с народом в виде 86-летнего пьянчуги, интересовавшегося: - Вы, ребя, с жёнами едете или от жён?..

Остальное время убивали на сон, пополнение летописи и унылые, без прежнего подъёма сексуально-политические беседы.

Бесконечно тянулась ровная линия берега, кое-где отчёркнутая восклицательными знаками колоколен, проплывали луга, стога, бахромы леса, песчаные плесы, валуны, редкие коровы. Слепой дождь попрыщавил воду и остался сзади. Дымный массив

Череповца коснулся борта теплохода и отошёл за корму. Мы неторопливо вплыли в ночь, в сон, чтобы на заре, снова вопреки расписанию, проснуться в Ярославле.

ОТ РЫБИНСКА ДО ЯРОСЛАВЛЯ ТОЖЕ НЕВЕСЕЛО... НА ПАРОХОДЕ НИ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ ЖЕНЩИНЫ, НЕ С КЕМ СЛОВА СКАЗАТЬ, ВСЁ КАРТУЗЫ, САЛЬНЫЕ ЗАХВАТАННЫЕ МОРДЫ ... И ПЛОХОЕ ТЁПЛОЕ ПИВО.

(А.П.ЧЕХОВ, Собр. Соч., т.12, с.102)

Пребывание в Ярославле отмечено лишь несколькими событиями: головной болью, очередями в кафе, посещением почты, блужданием по набережным, кратким подъёмом духа в церкви Ильи Пророка и геморроем Вриосекса. Превозмогая последний, Вриосекс героически следовал за Командором, ухитрившись попутно обольстить проходную девицу, оказавшуюся непригодной по причине условий. Однако хворое его состояние послужило причиной увольнения его от должности.

-Смещаю тебя с Вриосекса на сегодня, будешь Главкультом, - велели Вождь.

-Нехороший ты человек, Командор, - нахально заметил Демагог, жаждая свары, но Вождь достойно отвечали интригану:

- Хороший-нехороший - не твоего ума дело.

Как бы в трансе передвигались мы по пыльному асфальту Ярославля от церкви к церкви, отмечая тяжкий путь свой отдельными замечаниями Главкульта и Командора вроде:

"Постепенное соби́рание масс кверху" (Главкульт о колокольне церкви Рождества Христова).

"Удивительная игра кирпичных узоров." (Главкульт о церкви Спаса на Городу).

"Всё! Пора искать девочку! Или мороженое. Что-нибудь в рот, лишь бы не курить. Вообще ничего не хочу..." (Командор после осмотра церкви Михаила Архангела)

"Коммунальная квартира" (Командор о смеси стилей в архитектуре Спасского собора).

"Оказывается, церковь легко реконструировать в гараж..." (Главкульт о Церкви Николая Мокрого, имеющей внутри, по слухам, замечательную роспись).

"Хорошо с тобой говорить об искусстве" (Командор Главкульту после громкого загрязнения последним атмосферы в процессе сравнения стилей тринадцатого и семнадцатого веков).

"Что я запомню в Ярославле: мясо тушёное - раз, огурцы засохшие - два, суп без мяса - три..." (Командор после обеда).

Уязвлённый последним замечанием Вождя Главкульт увлёк Их через реку Которосль в целях посещения ансамблей в Коровниках и Толчкове. И добился усердный успеха! Все тяготы знойного и безрадостного дня искупил храм Иоанна Предтечи в Толчкове, расположенный на задворках завода "Победа рабочих". Стенообразные его громады, покрытые пятнадцатью куполами и украшенные с изумительным чувством меры, отчасти примирили нас с оглушительной пестротой, в каковой выявлял себя на стенах ярославских храмов вырвавшийся, наконец, на свободу русский национальный характер. Отчасти это его живописание на стенках напоминало - по странной какой-то ассоциации - буйство надписей на стенах туалета в Чухломе.

Возвратившись в порт, наблюдали ночную жизнь, фланировавшую мимо, после чего были пущены на ночлег в зал ожидания дебаркадерной гостиницы, за что поутру Начфин выложил два кровных рубля и тут же потребовал немедленно пересчитать

оставшиеся. Засим с опозданием и наглостью была подана родственная «Метеору» «Ракета» на Тутаев.

Несколько утешенные видом берегов, высадились в Тутаеве, привычно бросили рюкзаки в первом попавшемся дворе и двинулись к прославленному храму. Внезапно были встречены московским автобусом. Войдя в контакт с последним, Главкульт обеспечил безденежный проезд до Ростова, чем немало способствовал спокойному восприятию искусства.

Воспринимать было чего по причине великолепия храма, оригинальности росписей галерей, а также необычности икон с установленными прямо на них деревянными скульптурами Христа и Николы Можайского. Командор усиленно приобщался к таинствам христианского богослужения, между тем как Главкульт, скрыв своё иудейское происхождение под постной личиной верующего, нахально прояснял прихожанкам суть росписей, а также учения, как он выражался, "Господа нашего". Попутно бросал он скоромные взгляды на внимавшую ему в толпе прихожанок молодую туристку, сильно рассчитывая, видимо, что в ней разыграет неудержимый атеизм. Поскольку, однако, этого не произошло, был извлечён Командором на предмет насыщения телес, но и стоя в очереди в столовой, ухитрился установить тесный контакт с местными кадрами в лице одобренной Командором подавальщицы. За неимением условий вынужден был, впрочем, ограничиться блинами со сметаной.

Выйдя из, проследовали к автобусу, каковой, наоборот, проследовал к храму. Совершив восхождение в рюкзак, догнали мустанга и стали входить в доверие к пассажирам и в особенности к пассажиркам, в чём многого достигли, но до конца не довели по причине всё тех же неумолимых походных условий. Переезд не представлял, не считая частушек, записанных Поэтом для приобщения к фольклору.

Я РОДНУЮ МИЛУЮ
 ИЗ МОГИЛЫ ВЫРОЮ,
 ПЕРЕВЕРНУ, ПОХЛОПАЮ,
 ПОСТАВЛЮ СВЕРХУ
 ЖЁЛТЫЙ КРЕСТ

(НАРОДНОЕ. ЗАПИСАНО ПОЭТОМ)

Покинув благородных шоферов в Ростове Великом (свою натуроплату они выхлебали ещё на остановке в Ярославле), вступили в следующий этап существования, ещё более жалкий, чем предыдущий.

Время клонилось к вечерне, когда мы в очередной раз перетаскивали рюкзаки на очередные десять с половиной метров и, кряхтя, опустили их наземь. Город Ростов Великий окружал нас воем автобусов, порывавшихся в светлые дали согласно международному расписанию. Среди орд голодных и грязных аборигенов, вихля задницами и фотоаппаратами, бродили иностранные девочки из размещённого в Кремле лагеря "Спутник" – соответственно названию при каждой заднице указанный спутник прилагался по меньшей мере в одном экземпляре. Юбки у девиц практически отсутствовали, а на надлежащем месте красовались ягодицы, откормленные на ненаших харчах. Зрелище сие не столько возбуждало, сколько настраивало на мысли о преимуществах социалистической системы. Впрочем, Командор, по-видимому, держался иных мнений, поскольку, наскоро обзрев окрестности и вернувшись из рекогносцировки к фонтану в виде семилетней девочки, где Их ждал Ш.М. с рюкзаками, Они стали в позу Цицерона, Демосфена, а также Катона, и

провозгласили очередную историческую речь, кою велели немедля записать, дабы не забыть, а напротив, высечь оную в памяти потомства:

- Грёб твою мать так и так! - изрекли Командор. - Нафуя я таскаю за собой эти Широкие Массы, это огорчение и обузу?! Гнусная орда! Демагог не пакостит только при приступе геморроя, предел способностей Поэта - рифма "хрен-член", Вриосекс только и знает жрать фталазол, Начфин - крохобор, Летописец отстал от событий на восемь дней, приходится за него лично работать... Ах, паразиты!.. В местной гостинице, занятой киносъёмочной группой, одно мужское место - для Командора пожалуйста, а Ш.М. - фуя! С кем в гостинице я мог бы жить? С замечательной кинозвездой древности Музой Крепкогорской, которую ждут завтра в десять ноль-ноль на съёмках. В восемь утра две машины повезут антураж, вполне могли бы прихватить с освещением и Командора. Конечно, место в гостинице оставлено специально для меня. И будь я один... Но! Но! Я не иду в гостиницу! Не жалость к Ш.М. движет мною, Ш.М. я хлебал – мне не нравится название фильма "Красное солнышко". Лента, понятно, обо мне. А я желал бы, будучи Скромнейшим среди скромных, названия попроще, вроде "Алеет Восток" или "В открытом море нельзя без кормчего". Поэтому говорю как кормчий: вперёд, ребята, за озером нас ждут бабы в палатках. Помните, наша цель в палаточном городке - не палаточный городок. Пусть наутро все палатки будут целы, а спальники порваны в клочья от страсти! И последнее напутствие войскам: кто схватит триппер - снимаю с пробега! - К Летописцу, подозрительно: - Фули ты там строчишь? Ты чего-то больше пишешь, чем я сказал. - Грозно: - Ух!! Так, так, растак и перетак!!

НЕ ЗАГЛЯДЫВАЙ ВПЕРЁД -
ГЛЯДИ КОМАНДОРУ В РОТ!

(ДЕМАГОГ)

Речь Вождя завершена была тонко рассчитанным эффектом: Командор создали под Ростовом палаточный городок на озере Неро, где повелели ждать нас толпам нетерпеливых менад. Однако Вождь не учли надломленного состояния ПШ., истерзанного приступами поноса, геморроя и лирического настроения духа от многочисленности поверженных им в пути и всё не до конца особ, девиц и официанток. Словно овца на заклание, плёлся за Командором Ш.М. к остановке, с остановки, к монастырю и далее, всю дорогу старчески шамкая губами и бормоча с помощью Демагога подрывные речи, которые деморализовали всю нашу сексоготовность. Можно ли было ожидать от подобных бойцов тех подвигов, на которые нас звали к озеру Командор? Удивительно ли, что по прибытии на место мы обнаружили палаточный городок абсолютно пустым за исключением одной лишь сторожевой особы противоположного пола, которая, однако, при ближайшем рассмотрении оказалась особой должностного возраста и соответствующего хамства. Испепелив оную посредством своего величия, Командор протрубили "поворот все вдруг" и приказали отбытие в Борисоглеб. Приказ этот был встречен с восторгом всеми, включая Ш.М., которому было всё равно куда, лишь бы побыстрее.

Снова мы оказались в гуще нетерпеливого автобусного ржания вперемешку с многотерпеливым и скудным народом. Снова были свидетелями презрения системы нашей к её же собственным графикам и расписаниям, ибо автобус подан был в момент надлежащего отбытия. Снова ощущали всеми членами неровности родной земли, уговаривая себя, что русский ухаб всё равно милее, чем какой-нибудь тель-

авивский асфальт, расплавленный от средиземноморского климата. К сожалению, ухабы вместе с дорогой кончились раньше, чем наши уговоры достигли своей цели. И перед нами предстал Борисоглеб в кольце лесов, среди которых зоркий глаз Командора уже выискивал место для дешёвого ночлега, радуя этим сердце Начфина.

Вместе с Борисоглебом предстало нам, однако, отдельно стоящее двухэтажное строение, и Демагог едва слышно произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь, что сие есть местная гостиница, скрытая под именем Дома Колхозника. Но что из гласа народного, хотя бы и тихого, может ускользнуть от слуха Вождя? И Командор, ради блага руководимого Ими народа пренебрегли собственной мечтой о ночлеге в лесу, направив стопы свои (и наши) в сторону закамуфлированного отеля. Где и взяли нам (ну, и себе) места на койках в четырёхместном номере.

Затем мы проследовали на моцион по вечерним улицам. Ш.М. мерзко клацал зубами от холода, а Командор впивали очертания здешнего монастыря и делали холостые фотографические телодвижения. Монастырь был величествен и огромен. Через его двор, хихикая, текла молодёжь на танцплощадку с местными лабухами. В отличие от Белозёрска никто не лепил нигде объявлений о том, что ввиду отсутствия оркестра цена билета снижена с 45 до 25 копеек. В Борисоглебе ещё не знали такого достижения цивилизации, как оркестр и билет. Здесь царила эпоха переносных транзисторов, черно-белых телевизоров и хриплых петушиных воплей в беспросветной ночи.

ХЛЕБ ОТПУСКАЕТСЯ НЕ БОЛЕЕ 2 КГ В ОДНИ РУКИ
(ОБЪЯВЛЕНИЕ В БОРИСОГЛЕБСКОМ МАГАЗИНЕ)

...Утро было жаркое. Монастырь в его свете был другой, хотя с тем же названием. По небольшому музею, явно напрашиваясь на разговоры об изразцах и прочих культурных ценностях, расхаживали две особы почти приемлемого вида, и Вриосекс, оживясь, предложил подать упомянутых к Командорскому ложу. Командор, однако, не произвели даже мановения, вследствие чего дальнейший путь по всем стенам монастыря совершали в прежнем одиночестве.

Устав от суммы эстетического багажа, вышли к ресторану, долженствовавшему открыться в 11:00. Сидя на травке, лицезрели безнадежные попытки аборигенов принудить персонал к своевременности. Отвернутые от лона общепита, несчастные коротали время в тупом и тоскливом ожидании, не сопровождавшемся, в духе народа, ни единым воплем оскорбленного достоинства. Командор же, страданиями народа страдая, узрев всё сие, подошли к двери и стали методично извлекать из неё оглушительные звуки, подобные барабанной дробу, предваряющей расстрел. Народ продолжал тупо взирать на дверь - ныне с приложенным к ней Командором, - не делая ни малейших попыток восстать из скотского состояния.

По прошествии времени, достаточного для расстрела всех работников борисоглебского общепита, отворилось наконец окно, откуда возникла голова в бывшем белом колпаке и осведомилась у Командора, чего ему не терпится. Поражённый простодушием Командор даже перестали стучать, что было вознаграждено отпиранием двери. При сём, однако, было присовокуплено требование благодарности за оное снисхождение. Народ втёк в открытое едалище и снова застыл в тупом молчании за необслуживаемыми столами, поскольку достойные расстрела сочли время самым подходящим для насыщения своих утроб.

Набив последние, предложили нам затем взамен всего пиво, каковое Командор выхлебали в гомерическом количестве с присовокуплением антрекота; Ш.М. довольствовался двумя яичницами. Выйдя таким манером очередной раз из бюджета, вышли также из ресторана в намерении погулять. Преследуемые зноем и дымом горящего за околицей болота, намерение изменили и рухнули на гостиничные лежа, где и пробдели до наступления ночи.

Поутру вышли на большую дорогу, вооружённые только честными намерениями. Тотчас столкнулись с транспортным сервисом в действии, узрев большую толпу вожделеющих при полном отсутствии автобуса, а также перспектив оного. Единое, что примиряло с действительностью, было расписание автобусов плюс периодическое появление таковых, но не бравших пассажиров. Попытки автостопа были эквивалентны.

МИНУЛА МАЛИНА –
 ЗДЕСЬ КЛИМАТ ИНОЙ:
 ПРОХОДЯТ МАШИНЫ
 ОДНА ЗА ОДНОЙ
 И ЗА САМОСВАЛОМ В СТОЛИЦУ ИДЁТ САМОСВАЛ...
 СКАЗАЛ КОМАНДОР: "ХВАЛЁНА МАТЬ,
 ГРУЗОВИКА НАМ НЕ ПОЙМАТЬ,
 А ЧАСТНИКОВ-ГАДОВ Я ЛОЖКОЙ БОЛЬШОЙ ХЛЕБАЛ!"
(ВЫСОЦКИЙ - ВОЗНЕСЕНСКИЙ. ОБРАБОТКА ПОЭТА)

В конце концов втиснулись в автобус. Выйдя в Ростове, сгрузили котомки у сердобольной старушки и обозрели валы. Взойдя, наконец, в Кремль, присоединились к экскурсии с помощью регалий. Удовлетворения не получили. От экскурсоводши тоже. Остывшие, сидели в Кремле на скамеечке, взирая на позавчерашних интуристок с ягодицами и спутниками, вяло переговариваясь насчёт. Желаний не было, кроме уехать. Потому взвалили котомки на плечи и зашагали из города Ростова вон. Пройдя честное количество километров, оседлали доброго коня, не заглядывая в зубы. По пути опять горели болота.

Переяславль открылся весь в дыму и куполах. Обозрев собор и валы, проследовали в замеченную посреди древностей блинную. Яств было много, и все сырые, что увеличивало выход блюд брутто, а также нетто, включая ощущение в желудке. Посодействовав выполнению плана, подняли котомки. Ещё через четыре километра были у Плещёева озера, в районе ботика Петра I. Ботик обоюдно хлебали. Командор нашли взамен великолепное лежбище с дровами. Создали огонь и хлебово. Легли среди комаров. Проснулись среди капель. Небо было серое, время раннее, озеро в тумане. Хотелось спать и выразаться. Выбрали последнее. Пожрав, упаковались. Ветер разогнал тучи. Шли по ветру, а Командор даже сходили до оного. Взойдя на пригорок за городом, абонировали (после ругани с частниками) четырёхцилиндровую телегу с мрачным ямщиком.

Доехав до Загорска, искали сигареты, а также обзирали храмы и службы. Последние были суетны, как в московском ресторане. Певчие, отпев, ржали над анекдотами, среди прихожанок толкались отечественные и интуристы, всё было заплёвано и загажено. Отвратившись духом и телом, побрели на электричку с чугунными головами. Попутно Командор делали бесплодные попытки увлечь Ш.М. на лоно природы, что не увенчалось.

По прибытии в Москву ужаснулись демографическому взрыву, произошедшему в наше отсутствие. Командор сотворили последнее чудо, проведя нас без потерь сквозь толпы и дым горящих от зноя окрестных болот на исходную базу. Войдя в квартиру обетованную, сложили котомки, и на этом хождение наше окончилось одновременно с чудесами и летописью, каковую по наущению Главкульта завершу цитатой:

"МНОГОЕ И ДРУГОЕ СОТВОРИЛ ИИСУС; НО ЕСЛИ БЫ ПИСАТЬ О ТОМ ПОДРОБНО, ТО, ДУМАЮ, И САМОМУ МИРУ НЕ ВМЕСТИТЬ БЫ НАПИСАННЫХ КНИГ"

(Иоанн, 21:25).